

Роман Куликов

Ведьмы Погибшей Империи

18+

Роман Куликов

Ведьмы Погибшей Империи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Куликов Р. А.

Ведьмы Погибшей Империи / Р. А. Куликов — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Читателю предлагается версия альтернативной истории, в которой великая Империя, занимавшая три континента, погибает в результате неведомого катаклизма. В результате этой трагедии, разрушившей многие человеческие жизни, земли Империи оказываются захвачены жадными до чужого добра грабителями. В центре повествования группа беженцев, пытающаяся спастись от преследования профессиональных военных. Действие происходит на землях Северной Америки, по версии автора, являвшимся частью Великой Тартарии.

© Куликов Р. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Конский топот стих в отдалении, оставив после себя только густое облако пыли, оседающее ржаво-серыми волнами на придорожной, завядшей от жары траве. Из кустов, густо разросшихся рядом с дорогой, выглянуло усталое, слегка испуганное, по-детски пухлое личико. С опаской поглядев вслед ускакавшим в сторону заката всадникам, чьи зелёные мундиры из-за поднятой копытами пыли стали серо-рыжими, мальчишка лет двенадцати, явно обращаясь к кому-то, прячущемуся вместе с ним в кустах, тихо сказал:

–Всё, ускакали. Думаю, можно дальше идти.

На что ему в ответ голос, явно принадлежащий девушке, произнёс:

–Нет, Огнеслав, это уж пусть Маруша решает! Думаю, что она-то поумнее нас с тобой будет!

Спорить с этим заявлением Огнеслав не рискнул. Вместо этого он, недовольно нахмурившись, снова посмотрел по сторонам, на дорогу, почти идеально идущую с востока на запад. Сказал:

–Ну, пусть Маруша решает. Ты права, она умнее нас с тобой. Уж тебя-то, во всяком случае, точно умнее будет.

В голосе спрятавшейся девушки послышался смех, когда та ответила:

–Конечно, она меня умнее. Да и тебя, – тоже. Так что, Огнеслав, пошли, расскажем ей всё, что мы тут увидели.

И снова мальчишка не рискнул оспорить предложение девушки. Наоборот, он, тряхнув длинными, прямыми, соломенного цвета волосами, резко кивнул:

–Да, идём! И так мы тут с тобой слишком долго без толку сидим! А они тут гоняют и гоняют! И откуда только их столько взялось-то?

И на этот раз, когда девушка заговорила, в её мелодичном голосе послышались нотки откровенного веселья, что так не вязалось с той ситуацией, в которой оказались как оба этих, по сути – дитя, так и весь их народ:

–Когда вырастешь, Огнеслав, я сама тебе, может быть, расскажу, откуда именно люди-то берутся. А может, ты и сам это поймёшь. Хотя...

Поняв, что напарница замолчала сознательно, намекая на то, что ему, возможно, так и не удастся понять некоторых, вполне очевидных, вещей, Огнеслав, вспыхнув лицом, чего не смог скрыть даже толстый слой пыли, испещрённый тёмными дорожками от сбегавшего по нему пота, недовольно нахмурил выцветшие, серые от грязи, брови:

–Ну-ну! Ты, Полина, не слишком-то тут! Вообще-то, это именно меня Маруша старшим назначила!

На что девушка, названная мальчишкой Полиной, снова с усмешкой сказала:

–Ну, так что, начальный человек, мне прикажешь делать? Может, прикажешь уже нам обоим отсюда уйти? А то, кто же его знает, может, кому-нибудь из них по нужде захочется? А эти кусты, которые ты, как начальник, нам выбрал для засады, как раз для этого очень даже хорошо подходят. Так, может быть, пойдём отсюда, от греха подальше?

Ещё теснее сдвинув грязные от налипших на них пота и пыли брови, Огнеслав недовольно посмотрел на спутницу. Но, пересилив желание обругать девушку, кивнул:

–Хорошо. Пошли. Только, Поля, смотри у меня! В следующий раз я лучше с собой Карпушку возьму! Он со мной хотя бы спорить постоянно не будет!

Отвечать на это девушка ничего не стала. Но вовсе не из страха. Хотя бы потому, что никого другого, как только её и Огнеслава, Маруша послать в разведку не могла. Но, даже если бы та и захотела, то уж точно не Карпушку, мальчишку девяти лет от роду.

А всё оттого, что у старой ведьмы в распоряжении не осталось никого, кто мог бы составить Огнеславу компанию в столь ответственном деле, как разведка. По сути, Маруша предпочла бы и вовсе никого не посылать к дороге, чтобы не подвергать детей излишнему риску. Но поступить как-то иначе женщина просто напросто не могла. Ведь идти и дальше, не ведая

того, что творится на тракте, было бы просто глупо. Да и риск в таком случае значительно увеличился. Ведь в случае чего, уже не парочка детей, а все те, кто оказался на попечении старой ведьмы, оказались бы в слишком большой опасности. Поэтому-то Маруша, хотя ей этого очень и не хотелось, предпочитала рисковать лишь двумя своими подопечными, нежели всеми девятнадцатью.

На окружённой соснами поляне Полину и Огнеслава встретили их собратья по несчастью. Все семнадцать детей с Марушей во главе облегчённо выдохнули, как только юные разведчики вышли из-за медных, стремящихся ввысь, прямых, как полёт сокола, стволов.

Стараясь не улыбаться в ответ, Огнеслав приблизился к старой ведьме, сидящей в окружении наиболее младших беженцев. Мысленно отгоняя невольное сравнение с курицей, высидевшей немалый выводок беззащитно-жёлтых цыплят, мальчишка обратился к женщине с неподдельным уважением в голосе:

–Маруша, мы с Полькой проверили дорогу на запад. Там полно этих гадов. Прямо-таки туда-сюда и гоняют. Что им от нас вообще нужно? Чем мы им помешали, Маруша?

Женщина, которую прожитые ею пятьдесят лет обильно украсили сединой, тяжело вздохнула и, грустно улынувшись, бессильно пожала плечами:

–Огонь, я и сама их не понимаю. Хотя и знаю, чего именно они от нас хотят. Но вот их мотивы мне всё равно не понятны. Всё же, хоть мы с ними и очень похожи внешне, внутри мы совсем разные. Даже жаль, что люди, когда-то бывшие нашими братьями, превратились в то, что мы сейчас с вами видим.

Полина, задержавшаяся возле своих младших сестры и брата, спросила:

–Маруша, но чего же они от нас хотят-то? Ты говори, не бойся нас испугать. Я вот, например, и так это знаю. Поняла уже. Но думаю, что и всем остальным пора это тоже узнать.

Маруша, слегка покачав головой, отчего её наполовину седые, бывшие когда-то угольно-чёрными волосы, выбившиеся из заплетённой ещё утром косы, закачались, окружив лицо женщины неким подобием воздушного покрова, нехотя согласилась:

–Думаю, Поля, что ты права. Хотя я и не хотела об этом говорить до тех пор, пока мы не вышли к нашим. Но теперь, думаю, что мне и в самом деле придётся всем сказать, чего же именно от нас хотят те, кто когда-то трепетал от одного только нашего имени. – Она обвела печальным, долгим взглядом всех тех, кто по причине их юного возраста целиком и полностью полагается на её мудрость. – Подойдите все ко мне. Не хочу голос напрягать.

Дети, бросив все свои "важные" дела, торопливо приблизились к Маруше и, обступив её так плотно, как только смогли, превратились в слух. Ещё раз осмотрев своих подопечных, женщина, снова грустно улынувшись, сказала:

–Как вы все поняли, мы с вами оказались в очень большой опасности. Все наши мужчины или погибли от рук подлого врага, или воюют там, далеко на западе, за проливом, пытаюсь отстоять то, что ещё осталось от Великой Империи. Правда, что-то мне подсказывает, что и там дело совсем плохо. Наверное, рано или поздно, но и там нас ждёт поражение. Но это – не столь важно сейчас, как ваше спасение. Во всяком случае – для меня. И, чтобы спасти всех вас, я и должна рассказать, что нас ждёт, если мы окажемся в руках наших врагов.

Дети, и до этого момента внимательно слушавшие женщину, после её слов и вовсе превратились в слух. Кивнув, Маруша вновь печально улынулась и продолжила:

–Вы должны понять, что в случае чего нам от них не будет никакой пощады. Они убьют любого из нас без малейшего сожаления. Ведь они сюда, по сути, как раз для этого и пришли. Хотя, наверное, они Полину и Светлану убьют не сразу. А может, ещё и Олесю на какое-то время пощадят. Правда, я думаю, что то, что их в таком случае ждёт, намного хуже смерти. Уж извините, но я не хочу говорить, что именно с ними сделают те, от кого нам приходится прятаться.

Дети помладше, конечно же, не поняли, на что именно намекает Маруша. А вот те, чьи имена она назвала, кажется, повзрослели уже настолько, что для них не секрет, что участь, уготованная им вторгшимися на их земли врагами, намного хуже всего, что только можно себе представить.

Хотя Олесе, например, только недавно исполнилось двенадцать лет от роду. Но девочка, выросшая на лоне природы, с самого раннего детства видевшая жизнь со всеми её неприкрытыми подробностями, конечно же, успела узнать, что происходит по весне, когда животные стремятся продолжить свой род. Естественно, будучи девочкой далеко неглупой, Олеся понимала, что и у людей происходит примерно то же самое. И, само собой, она догадалась, что те, кто без малейшего колебания убивает даже самых малых детей, готов совершать и более ужасные поступки. Например, такие, про которые только что сказала Маруша.

Доказательством этого стала реакция девочки. Её белесые, выплывшие на солнце брови, так гармонично сочетающиеся с её заплетёнными в косу длинными, светлыми, как солома, волосами, сдвинулись, придав всему юному, по-детски незащищённому лицу некую решимость. Наверное, этим девочка хотела показать, что она готова бороться до самого конца. И, если потребуется, даже готова покончить с собой, лишь бы не стать потехой для тех, кто вторгся на их мирные земли.

Светлана, в меру того, что она на два лета старше Олеси, само собой, также поняла, на что именно намекает Маруша. И девочка повела себя соответственно её внутреннему миру. В силу того, что Светлана, будучи дочерью бывшего воина, не раз отражавшего набеги врагов, с молоком матери впитала жажду борьбы и стремления к победе, приобрела характер, мягко говоря, далеко не покладистый, отреагировала по-своему.

На тонком, изящном лице Светланы появилось выражение крайней брезгливости, почти отвращения. Конечно же, все эти эмоции девочка адресовала тем, кто дотла сжёг их деревню. По сути, Светлана своим поведением пыталась сказать, что она не просто готова умереть, лишь бы не стать игрушкой в залитых кровью её народа руках оккупантов. Девочка явно готова при этом ещё и уничтожить столько врагов, сколько окажется ей по силам.

Маруша вначале ощутила приятное тепло в груди, возле самого сердца. Настолько старую женщину, которой, впрочем, сторонний наблюдатель не дал бы больше тридцати пяти – тридцати семи лет, порадовала реакция девочек. Правда, это тепло, вызванное гордостью за подрастающее поколение её народа, почти сразу же сменилось жутким холодом, которое едва не заставило её многострадальное сердце замереть.

Это в мирное время подобное отношение девочек к потенциальному врагу оказалось бы более чем уместным. Но сейчас, когда захватчики идут по их родной земле, при помощи огня и меча (точнее – сабли и мушкета) уничтожая всех и каждого на своём пути, такое восприятие врага может дорого обойтись любому, кто недооценит его силы. А то, что дети просто напросто не смогут составить оккупантам хотя бы какой-то, хотя бы относительно серьёзной конкуренции, вполне очевидно. Во всяком случае, Маруша постарается сделать всё возможное, чтобы избежать встреч с снующими по их земле врагами.

Подавив поднявший голову в её душе страх, старая ведьма с грустной улыбкой сказала:

–Я очень прошу всех вас быть осторожными. Те, кто на нас напал, очень опасные люди. Поверьте, нам с ними лучше не встречаться. Поэтому, прошу каждого из вас, в случае опасности – прячьтесь или убегайте. Главное, чтобы вы не попали в их лапы.

Огнеслав, постаравшись выглядеть наиболее внушительно, что, впрочем, ему не слишком-то удалось, спросил:

–Ну, и долго нам от них прятаться? Маруша, когда же мы к нашим-то выйдем?

Снова грустно улыбнувшись, женщина слегка пожала плечами:

– Не знаю, Огнь. Надеюсь, что скоро. Надо бы узнать, захвачен ли Новеград. Если и он оказался в руках захватчиков, то нам придётся идти к Коростеню. Уж он-то, думаю, пока ещё занят нашими. Только до него идти ещё две сотни вёрст. Тяжело вам придётся.

Маруша обвела детей, с надеждой смотревших на ту, кто единственная, в их представлении, могла бы им помочь, жалостливым, заботливым взглядом. Но в ответ на неё посмотрели юные глаза, в которых ведьма без труда прочла твёрдую решимость идти столько, сколько потребуется.

А Карпуша, лицо которого испещрили крупные, смешные веснушки, ещё и сказал:

– Ничего, Маруша! Мы дойдём! Если надо будет, то я даже кого-нибудь на себе понесу!

И столько в словах этого девятилетнего мальчишки оказалось уверенности в собственных силах, что Маруша, улыбнувшись уже чуть веселее, кивнула:

– Да, я тебе верю, Карпуша. Хотя, думаю, пришла пора называть тебя уже Карпом. – Она ещё раз обвела всех детей долгим, сочувствующим взглядом. – Всем вам пришлось слишком рано повзрослеть.

К вечеру беженцы вышли к берегу полноводной реки. Маруша сказала, что она называется Донком. Дети, но только самые маленькие, поначалу обрадовались, услышав знакомое, едва ли не родное название. Но, услышав объяснение более взрослых о том, что подобные названия распространены повсеместно, что реки с такими и похожими именами можно встретить на каждом шагу, тут же как будто угасли. Некоторым из них, как догадалась Маруша, даже пришлось приложить кое-какие усилия, чтобы не заплакать. К счастью, им это удалось.

До захода солнца, за которым всю вторую половину дня невольные путешественники как будто бы гнались, Маруша и более старшие дети успели набрать кое-какой еды. А мальчишки во главе с Огнеславом даже умудрились поймать несколько рыбёшек. Которых, правда, хватило лишь на то, чтобы накормить только самых маленьких. Маруша даже разрешила детям разложить небольшой костерок, чтобы поджарить скромный улов. Хотя ведьма и понимала, что это – риск. Но она уже просто не могла смотреть на измождённые лица детишек, на которых горели голодным блеском их большие, усталые глаза.

Как только рассвело, путешественники, съев немного ягод, двинулись дальше на запад, стараясь избегать проторенных дорог.

Но время от времени Маруша всё же посылала юных разведчиков к тракту, чтобы узнать, что там происходит. И каждый раз, когда Огнеслав и Полина возвращались, они приносили безрадостные вести.

Хмуро глядя куда-то в сторону, Огнеслав сердито рассказывал:

– Они гонят на восток пленных. Там полно детей и женщин. Мужиков нет ни одного. Мы с Полькой видели, как они наших девушек... – Огнеслав замолчал, испуганно глядя на слушающих его детей. – В общем, всё очень плохо, Маруша. Эти гады хлещут всех плетьюми. Одну старушку забили насмерть. Её так и оставили валяться там, возле дороги. Только оттащили в сторону. Дети плачут. Я еле сдержался, чтобы не броситься им на помощь.

Маруша, отлично понимая, что именно испытывает мальчишка, которому пришлось так рано встать во главе их импровизированной разведки, положила руку на его по-юношески тонкое плечо и, с болью в сердце заставив себя ободряюще улыбнуться, сказала:

– Вот и молодец, что не бросился. Огнь, мы им помочь никак не можем. А ты погиб бы, не добившись ровным счётом ничего. А может, они бы тебя стали бы пытаться, и тебе пришлось бы им и про нас рассказать. Так что, Огнь, ты всё правильно сделал.

Мальчишка, вспыхнув лицом, с гневом посмотрел в глаза ведьмы:

– Да ты что, Маруша? Как ты могла такое про меня подумать? Да я бы ни за что на свете вас не выдал бы!

Снова улыбнувшись, но на этот раз – чуточку веселее, ведьма с сожалением покачала головой:

—Может быть, ты и прав. Но лучше ни тебе, ни кому-нибудь ещё, этого не проверять. Потому что пытки, Огнь, бывают так ужасны, что способны развязать язык кому угодно. И даже бывалые воины не всегда их выдерживают.

Упрямо тряхнув головой, отчего соломенные волосы блеснули тёмным золотом, Огнеслав заявил:

—А я бы выдержал!

Спорить дальше Маруша не стала. Тем более что этот мальчишка, может быть, и в самом деле способен выдержать то, что другим окажется не под силу. Во всяком случае, за время многодневного путешествия Огнеслав стойко переносил все невзгоды, проявляя о более слабых столько заботы, сколько от мальчишки трудно было ожидать.

Да и многолетний опыт ведьмы говорил Маруше, что порой некоторые рождаются уже героями. Что иногда боги словно бы посылают в этот негостеприимный мир людей, способных с детства выносить то, что даже большинству взрослых кажется неестественным. Ведь, в конце концов, Маруша не напрасно носит титул ведьмы. Через её руки прошли не десятки, и даже не сотни, а тысячи детей. И уж её-то трудно удивить тем, что большинству людей кажется каким-то чудом.

Хотя, подумав, Маруша поняла, что это всё же и есть самое настоящее чудо. То есть — человек. Такого чуда, пожалуй, больше не найти, сколько бы кто ни пытался. Вот только жаль, что порой люди переходят из разряда светлых чудес в категорию злых. Например, те, кто решил отобрать принадлежащую их народу землю, уничтожая при этом любого, кто попытается оказать им сопротивление. И даже тех, кто это самое сопротивление оказать не способен.

Убедившись, что её подопечные отдохнули настолько, что могут продолжать путь, Маруша повела их дальше на запад, безнадежно пытаясь догнать уходящее от них солнце.

Ещё через несколько дней трудного пути, проходившего через лес, реки, вокруг озёр и прочих непреодолимых препятствий, странники вышли, наконец-то, к большому городу. Но даже беглого осмотра Маруше хватило, чтобы понять, что враг успел захватить и его. Поэтому, задавив появившееся в груди чувство безысходности, ведьма повела детей в обход Новеграда, всё ещё надеясь, что хотя бы Коростень миновала столь же печальная судьба.

Дети, надо отдать им должное, стойко перенесли нерадостное известие о том, что им предстоит преодолеть ещё около ста вёрст по лесам и болотам. Хотя, конечно же, от Маруши не укрылось, что её подопечные слегка пали духом.

Но в этом-то как раз и нет ничего удивительного. Ведь всё устремление их непорочных, по-детски чистых душ все последние дни направлялось к одной единственной цели. А именно, — сюда, в Новеград. И вот теперь, когда они увидели, что долгожданный отдых откладывается ещё на какое-то время, дети, само собой, слегка пали духом. Но, даже не смотря на столь печальные для них новости, они всё же оказались готовы продолжать путь на запад до тех пор, пока не выйдут, наконец-то, к своим.

И такое отношение к сложившимся условиям не могло не порадовать Марушу. Ведь это значит, что им (и ей в том числе) удалось воспитать людей вполне достойных. Пусть эти люди пока ещё и столь малы, как основная часть спутников старой ведьмы.

Например, вот Малок, которому едва исполнилось три лета от роду. Даже он стойко перенёс известие о том, что враг захватил Новеград, в который они так стремились. Но мальчишка, чья кудрявая голова очень уж походит на оперившийся одуванчик, лишь печально вздохнул, не менее печально глядя в сторону стоящего на холмах каменного города, в котором все они надеялись найти долгожданный отдых.

Грустно улыбнувшись, Маруша наклонилась и, преодолев лёгкое сопротивление мальчишки, взяла того на руки. После чего, всё так же грустно улыбаясь, посмотрела в измождённые лица остальных своих спутников:

–Ну, идём отсюда. Нам нужно успеть до захода солнца уйти отсюда подальше. Думаю, что вокруг города их дозоры так и рыщут. Не хватало ещё, чтобы после всего, что мы перенесли, нас поймали, как каких-нибудь цыплят желторотых.

Услышав про цыплят, Малок с печалью в глазах сказал, не забывая крепко держаться за шею ведьмы:

–А у нас тоже цыплята были. Целых восемь штук курица высидела!

Остальные дети, услышав столь странную в данной ситуации похвальбу мальчишки, лишь улыбнулись. А Маруша, слегка подкинув Малка на руках, чтобы вес его крохотного тела распределился наиболее удобно, тоже с улыбкой кивнула:

–Значит, снова у тебя, Малок, цыплята будут. Главное, чтобы нам удалось выйти к нашим.

После этого путешественники двинулись дальше на запад, чтобы до захода снова сбежавшего от них солнца успеть не только уйти как можно дальше, но ещё и добыть хотя бы какую-нибудь еду.

По расчётам Маруши до Коростеня оставалось совсем чуть-чуть, примерно два-два с половиной десятка вёрст, когда в лесу им повстречалась ещё одна ведьма.

Маруша сразу же ощутила, что рядом есть кто-то, кого боги наделили такими же, как и у неё, способностями. Хотя, конечно же, должны быть и отличия. Но главное, что эти способности очень близки к тому, что и сделало Марушу особенной. И благо даря чему ей удалось спасти девятнадцать детей из лап безжалостного к их народу врага.

Приказав детям остаться на месте, Маруша осторожно двинулась вперёд, внимательно глядя в лесные заросли. Спустя пару минут её остановил откровенно-весёлый вопрос, произнесённый женским голосом, принадлежавшим, судя по интонациям, совсем дряхлой старухе:

–Ну, и на кого ты в моём лесу охотишься? Смотри, я не люблю, когда у меня под носом животинку губят!

Хотя и понимая, что живущая в лесу ведьма, скорее всего, просто шутит, Маруша заговорила всё же вполне серьёзно. Даже, – с почтением:

–Я и не думала ни на кого охотиться. Просто искала тебя, мудрая хранительница леса. Надеюсь, что ты не откажешь нам в помощи.

Старушка понимающе покивала:

–Да-да, я знаю, что с тобой детишки идут. Мне вот только невдомёк, – куда это вы тащитесь-то? Чего дома-то не сиделось? Али заняться боле нечем?

Маруша, уже догадываясь, какой именно ответ получит, всё же спросила:

–Бабушка, ты что же, ничего не знаешь, что в мире-то творится?

На что вышедшая из-за дерева старуха, пожав иссохшими плечами, затянутыми откровенными лохмотьями, бывшими некогда добротной телогрейкой без рукавов, под которой поддето не менее истрёпанное платье, безучастно сказала:

–Я давно миром-то не интересуюсь. В лесу вот живу, берегу его от людей лихих. И пока ещё ни разу об этом не пожалела.

Пару раз понимающе, и даже с некоторой долей зависти кивнув, Маруша заметила:

–Да, такой жизни все бы, наверное, хотели. Во всяком случае, я бы от такого точно не отказалась бы. Да и собиралась, если честно, лет через десять тоже в лес уйти жить. Да вот только не довелось.

Старуха, усмехнувшись беззубым ртом, спросила:

–Ну, и что же тебе помешало? Например, я могу тебя у себя устроить. Правда, придётся детишек в Коростень отвести. Не место детям в лесу.

Маруша невесело усмехнулась:

–Да я бы и рада. Надеюсь только, что Коростень ещё не захвачен.

Сдвинув седые брови так, что они сошлись над переносицей, а морщины на лбу и вовсе превратились в некое подобие древесной коры, старуха спросила:

–Захвачен? И кем же это? Уж не кочевники ли на такое сподобились? Что-то мне в такое не верится!

Маруша кивнула:

–И правильно, что не верится! Кочевники на такое не способны. Это люди с востока. Те, что нам в дружбе когда-то клялись.

Ещё теснее сдвинув брови, чего, казалось бы, уже невозможно сделать, старуха спросила:

–И как же это им удалось-то? Да и как они вообще смогли так далеко на запад-то зайти? Или наши властители уже даже и им противостоять не могут? Так ведь и без них наши воины смогли бы кого угодно остановить. Или и они уже настолько выродились, что ни на что уже стали не способны?

И на этот раз догадываясь, какой ответ её ждёт, Маруша спросила:

–А давно ли ты, бабушка, людей-то последний раз видела? Давно ли из лесу-то последний раз выходила?

Снова показав гладкие дёсны, древняя ведьма дала как раз такой ответ, на который Маруша и рассчитывала:

–Давно, ой, давно! А зачем мне люди-то? У меня здесь, в лесу, и так всё есть, что мне нужно. И даже больше, чем мне требуется. А людей я давно от моего леса отвадила. Нечего им тут делать. Хай себе в своих городах да деревнях живут. А в мой лес соваться нечего. Тут я хозяйка! И кроме меня да животинки лесной никого нет. Только с нежитью бездушной ещё дело имею, – мне и достаточно. А люди, – старуха вздохнула с таким сожалением, словно даже своя принадлежность к роду человеческому её печалит неимоверно, – они все слишком испорчены. Только все и думают, как бы где чего урвать, да чтобы при этом им это ничего не стоило. Жадные все стали, да злые какие-то. Не люблю я их больше.

Многозначительно кивнув, Маруша выдохнула:

–Ясно. Ну, бабушка, так ведь теперь всё стало ещё хуже. Теперь на наши земли пришли люди, которые намного злее и жаднее тех, про кого ты сказала. Эти грабят, убивают и насилуют всех и каждого, кто попадается им на пути. И вот они-то могли захватить Коростень. Хотя именно туда я детей и веду.

Выслушав пояснения Маруши, как той показалось, не совсем доверяя тому, что услышала, старуха спросила:

–А где же все наши-то? Или у нас уже и воинов не осталось?

Догадываясь, что старуха и понятия не имеет о том, что произошло за последние десять лет, Маруша ответила:

–Все наши лучшие воины ушли на запад, за пролив. Там на наших братьев тоже напали. Вот наши туда и отправились, чтобы им помочь. Бабушка, уже лет десять, как война-то идёт. У меня там, например, все сыновья воюют. Пока ещё все четверо живы, как я чувствую. А вот двух дочерей уже убили. Причём, – здесь, у нас дома. Хвала богам, что остальные пятеро успели сбежать. Надеюсь, что они к братьям, за пролив отправятся. Потому что тут, у нас, воевать-то против захватчиков уже и некому, почитай.

Старуха выслушала Марушу внешне совершенно спокойно. Однако Маруша ощутила, что не просто настроение древней ведьмы изменилось. Показалось, что даже воздух вокруг словно бы загустел. По крайней мере, Маруше остро захотелось поскорее уйти куда-нибудь подальше и от старухи, и от этого места вообще. А при возможности и вовсе покинуть этот лес, чтобы никогда больше в него не возвращаться.

Тем временем, древняя ведьма, видимо, заставив себя успокоиться, что отразилось и на всей внешней обстановке (Маруша вздохнула намного свободней), спросила:

–Ну, хорошо, – наши воины ушли на запад. Но боги-то наши куда же смотрят? Или и им стало уже некогда своим потомкам помогать? Ведь не просто люди гибнут, как ты сказала. Вообще весь народ наш уничтожают. Что ж они, совсем, что ли, нас забросили?

Ответить на это Маруше оказалось нечего. Поскольку она – всего лишь простая ведьма. И не ей судить о воле богов, или угадывать их желания и устремления. Всё же для этого нужны совсем другие способности. Маруша же, хоть для своего возраста и приобрела значительные магические навыки, всё же пока ещё "не доросла" до того уровня, когда становится возможным общение с богами.

Пожав плечами и одновременно улыбаясь (отчего-то – виновато), Маруша сказала:

–Вообще-то я надеялась, что ты мне что-нибудь про это расскажешь. Мне же всего-то пять десятков лет. Откуда же у меня такие знания-то?

Взгляд древней ведьмы, в котором прямо-таки светилось некое, непонятное для Маруши требование немедленного ответа, как будто бы сразу же погас, стал более мягким. Снова показав в усмешке по-детски голые дёсны, старуха заявила:

–Ну, я с богами не общалась. Когда у меня появился выбор, куда податься, – в храм или остаться жить в лесу, я выбрала, как ты догадываешься, второе. А здесь нам боги не слишком-то и нужны. Я сама привыкла со всеми невзгодами справляться. То людей, жадных до нашего добра, прочь отгоню. То бурю в сторону отведу. То вот землю, с небес падучую, полста лет назад пришлось вдали от леса вниз обрушить. В общем, богов я напрасно не тревожила. Думаю, что они обо мне и забыли давно. Наверное, поэтому-то Мара ко мне и не заглядывает так долго.

Маруша, услышав имя богини, в честь которой её и называли, ощутила в груди невольный трепет. Но, не позволив себе предаваться бесплодным размышлениям, спросила:

–Значит, ты ещё до пятидневной ночи в лес ушла?

Задумавшись, древняя ведьма стала похожа на истукана, облику которого резчик решил придать черты дерева. Настолько лицо старухи испещрили морщины. Снова усмехнувшись, та наконец-то кивнула:

–Ты про тьму-то? Ну, да, до неё. Задолго до неё. Я в лесу-то уже лет двести живу. Поначалу-то ко мне дети, внуки и правнуки приходили. Ну, и другие всякие. А потом, когда потомкам стало не до меня, так я и остальных людей прогонять стала. Нечего им по моему лесу шататься! – Старуха даже ногой притопнула, отчего из-под рваного подола показалась изрядно потрёпанная, изношенная до жалкого состояния, черевичка. – А тьму-то ту я хорошо помню. Я тогда несколько дней не спала, покоя не ведала. Только и делала, что землю с небес роняла. И кто её только столько в небо-то поднял? Может, ты знаешь?

Маруша, грустно улыбнувшись, разочарованно покачала головой:

–Нет, бабушка, не знаю. Уж извини. Наверное, что-то очень плохое тогда произошло. Может быть, даже хуже того, что сейчас творится.

Хозяйка леса, по-старчески покивав, сказала:

–Да-да, наверное. – Она на секунду задумалась, словно бы к чему-то прислушиваясь. После чего, опять показав блестящие беззубые дёсны, посмотрела куда-то за спину Маруши. Даже прищурила не по возрасту блестящие глаза. – Эй вы, а ну-ка, сюда оба идите!

Маруша, оглянувшись, назад, ничего подозрительного не увидела. Но, понимая, что старуха явно знает, что делает, не стала задавать неуместных вопросов. Наоборот, она решила полностью довериться той, чья сила, как Маруша уже смогла убедиться, намного превосходит её возможности.

А хозяйка леса, огорчённо покачав головой, сказала ещё громче, явно обращаясь к кому-то, кого Маруша так и не смогла увидеть:

–Идите сюда, кому говорю! Я же знаю, что вы здесь! Идите, а то худо вам будет!

И только после этой, скорее всего – шутилой угрозы древней ведьмы, которую та наверняка не собиралась исполнять, из-за стоящих рядом деревьев вышли Огнеслав и Полина. Вино вато посмотрев в сторону улыбающейся хозяйки леса, дети начали осторожно приближаться, явно не торопясь на эту, не слишком-то для них желанную, встречу.

Обе ведьмы терпеливо дождались, пока дети подойдут. И, как только те остановились на расстоянии пары шагов от женщин, хозяйка леса, усмехнувшись, спросила:

–Что, о своей наставнице беспокоились? Чего вам с остальными-то не сиделось?

Огнеслав, решив отвечать на правах старшего, с хмурым выражением на уставшем лице пожал плечами:

–Да вот, почуяли что-то нехорошее. Вот и решили проверить, всё ли с Марушей в порядке. А вы кто? Как вас звать-то?

Маруша хотела было одёрнуть мальчишку. Но не успела. Потому что старуха, ещё раз усмехнувшись, с каким-то даже одобрением во взгляде посмотрев мальчишке в глаза, с тем же самым одобрением, но уже – в голосе, сказала:

–Молодец, парень! Ох, молодец! Не боишься меня, значит?

На что Огнеслав, снова пожав плечами, с вызовом глядя древней ведьме в глаза, ответил:

–А чего мне бояться-то? Я такое уже видел, что мне и бояться-то уже нечего.

Или Маруше показалось, или по радужной оболочке глаза древней ведьмы и в самом деле пробежали жёлтые искры, столь странно смотрящиеся на бледно-голубом фоне? И настолько это выглядело странно и непривычно, что Маруше показалось, что искры даже меняли цвет, становясь зелёными? А может быть, так произошло оттого, что сочетание голубого и жёлтого даёт именно зелёный? А может, всё это и вовсе лишь померещилось Маруше?

Правда, Огнеслав всё же поёжился, когда старуха ещё раз, уже – оценивающе ощупала всю его фигуру именно вот этим вот искрящимся взглядом. И на какой-то, едва уловимый миг мальчишка всё же испытал страх. Правда, Огнеслав тут же смог его подавить. После чего в глазах хозяйки леса снова появилось некое одобрение, или даже – гордость.

Бросив и на Полину точно такой же оценивающий, искрящийся взгляд, отчего девушка невольно сделала шаг назад, старуха произнесла:

–Да, вижу, что вам пришлось несладко. Ну, что ж! Тогда будете моими гостями. И я вас не отпущу до тех пор, пока вы не отдохнёте и не восстановите свои силы. Так что, давай-ка, парень, беги назад и веди сюда всех своих друзей и подруг. Пойдём в мои «хоромы». – Последнее слово ведьма произнесла откровенно иронично. Даже усмехнулась. – Там я вас и покормлю.

Огнеслав не стал ждать повторного приглашения. Бросив на ведьму недоверчивый поначалу взгляд, мальчика увидел её смеющиеся, ставшие невероятно добрыми глаза, и, резко развернувшись, со всех ног побежал назад. При этом Огнеслав едва не сбил Полину с ног. Что заставило обеих ведьм тихо рассмеяться.

—

Едва увидев "хоромы" древней ведьмы, Маруша тут же поняла, отчего та вложила в это слово столько неприкрытой иронии. Даже слово "жилище" к ветхой, покосившейся набок избушке не слишком-то подходило. Что уж говорить о таком понятии, как "хоромы"!

Правда, дети, вымотанные долгой дорогой, сопряжённой с постоянным нервным напряжением, связанным с неотступной опасностью, обрадовались и этому. Любой, кто увидел бы, какими глазами юные путники смотрели на жалкую, в общем-то, лачугу, понял бы это и без слов.

Ведомые хозяйкой леса, странники поспешили войти в дом, когда-то, скорей всего, и в самом деле напоминавший пусть и не хоромы, но довольно-таки добротное, строенное надолго здание.

А вот внутри лачуги путников поджидал приятный сюрприз. То, что снаружи казалось не чем иным, как жалким подобием дома, внутри оказалось очень даже уютным помещением. Правда, также слегка покосившемся. Но это, как ни странно, нисколько не умаляло того уюта, который ощутили дети, оказавшись внутри скошенного набок дома.

Сразу у входа, как того и следовало ожидать, стояла скамейка. Впрочем, её вид не позволял надеяться на то, что она сможет выдержать вес хотя бы даже Маруши. Впрочем, для древней ведьмы, видимо, она вполне подходила. О том, что хозяйка леса не брезгует ею пользоваться, говорила вытертая до блеска поверхность скамьи. Значит, старушка садится на скамейку довольно-таки часто. Наверное, каждый раз перед тем, как выйти на улицу, чтобы обути те самые потрёпанные чёботы. И, само собой, каждый раз после прогулки по своим лесным уголкам, чтобы снять то, что и обувью-то назвать язык не поворачивается.

Печь, как ни странно, оказалась в очень даже хорошем состоянии. Конечно, ей не помешал бы небольшой ремонт. Уж побелить-то её точно следовало бы. Но, если не брать в расчёт некоторую ветхость кладки, то печка выглядела очень даже добротно. Настолько добротно, что некоторые детишки тут же начали тяжело вздыхать, явно вспоминая, как они совсем ещё недавно могли долгими вечерами сидеть точно на таких же печках дома, слушая различные сказки и предания.

Окно, затянутое промасленной тканью, давало вполне достаточно света, чтобы гости смогли увидеть и всю остальную утварь лесного дома. Правда, рассматривать-то особо им оказалось и нечего.

Ведь, кроме печки, окна и скамьи в жилище древней ведьмы нашлась лишь выдавшая виды кровать на слегка покосившихся ножках, да стол, сколоченный из простых досок. Да и те от времени успели так рассохнуться и потрескаться, что уже превратились в некое подобие сеялки, с помощью которой легко можно отделять посевное зерно от того, которое не жалко пустить на корм скоту.

Впрочем, даже эти потрескавшиеся доски ведьма, видимо, старательно мыла и натирала. Об этом свидетельствовал тот блеск, которым стол порадовал неожиданных гостей.

На столе оказалась единственная тарелка, которой, наверное, исполнился уже не один век с того момента, как её вынули из печи для обжига посуды. В ней лежала одинокая ложка, вырезанная, как не странно, недавно. Наверное, ведьме самой пришлось изготовить для себя этот столовый прибор, чтобы нашлось, чем есть.

И на этом – всё! Больше в доме древней ведьмы ничего не нашлось. Наверное, даже самый жадный и дотошный грабитель, окажись тот настолько глуп, что решил бы обокрасть дом ведьмы, ушёл бы отсюда в слезах.

Но, как уже говорилось, дети обрадовались и тому, что древняя ведьма смогла им предоставить в качестве крова.

Улыбаясь всё той же беззубой улыбкой, старуха приглашающе повела рукой, охватывая всё то скромное убранство "хором", которые могла предложить незваным, но явно любезным её сердцу гостям:

– Проходите, проходите, не стесняйтесь. Хотя у меня тут и небогато, да, зато – от чистого сердца. – Она сосредоточила взгляд на самом маленьком из путешественников. – Небось, вы и поесть не откажетесь?

Малок, прильнув всем телом к подолу платья Маруши, всё же посмотрел в ответ довольно-таки храбро для его возраста:

– Не откажемся. Наши девочки очень устали. Им бы в первую очередь поесть нужно. А потом и поспать бы.

Засмеявшись старческим, дребезжащим голосом, древняя ведьма даже слегка в ладоши прихлопнула, с удовольствием и одобрением глядя на кроху-странника:

–Да ты, молодец, не промах! Ну, за то, что ты так о девочках заботишься, я тебя вместе с ними за стол усажу. А вот если бы ты о них не подумал, то есть бы тебе тогда последнему.

На что трёхлетний малыш, смешно потерев нос грязным рукавом, впитавшим в себя пыль и пот дальнего странствия, с улыбкой и каким-то даже вызовом в голосе заметил:

–А я и так могу подождать! Главное, чтобы девочки поели и отдохнули! А я и вовсе могу не спать! Я даже их охранять буду!

Засмеявшись ещё громче, старуха, покачивая головой, направилась в сторону печки, на ходу обратившись к Маруше:

–Помоги-ка мне, милая. Тут, в печи, есть немного каши. Я всегда сразу на несколько дней готовлю. Ну, вам-то этого даже и наестся-то не хватит. Но мы сейчас что-нибудь придумаем. Так ведь?

Но ответа ведьма явно не ожидала. Наверное, за многие годы, проведённые ею вдали от людей, старушка просто привыкла разговаривать сама с собой. Вот по этой-то привычке она и продолжала говорить себе, что же ей следует сделать, явно не осознавая, что кто-то может принять это за обращение в свой адрес.

Подойдя к печке, ведьма едва ли не наполовину залезла в её распахнутое, тёмное жерло. И, какое-то время пошарив в остывших недрах печи, достала оттуда чугунок, накрытый почерневшей от копоти крышкой.

Указав на чугунок Маруше, хозяйка приказала:

–Выложи всё на тарелку. Хай едят. А мы пока за яблоками сходим. – Она с улыбкой посмотрела на детей, растерянно глядевших на неё. – Вы же от яблочек-то, небось, не откажетесь?

На что одна из девочек, Устинья, робко кивнув, ответила:

–Не откажемся. Только ведь, бабушка, яблок-то ещё нет. Не созрели ведь ещё. Где же ты их возьмёшь-то?

На это ведьма, озорно, что так не вяжется с её обликом, подмигнув, сказала:

–А я могу тебе показать. Правда, пока ты со мной ходишь, от каши уже ничего не останется. Так что? Что ты выбираешь? Еду, или же узнать, откуда я яблоки добуду?

Девочка, несколько раз растерянно моргнув карими, горящими любопытством глазами, заявила:

–Я хочу посмотреть, откуда же тебе, бабушка, удастся яблоки достать. Можно?

Оценив похвально похвально на девочку, из-за чего в её глазах снова замелькали жёлтые искры, древняя ведьма, ещё раз улыбнувшись, кивнула:

–Хорошо, раз так. Ну, тогда пошли со мной. – Она обвела остальных детей добрым, каким-то даже жалостливым взглядом. – А вы пока ешьте. Ничего не оставляйте. Я ещё какой-нибудь еды достану. Главное, чтобы вы голодными у меня в гостях не остались.

И, протянув руку Устинье, ведьма дождалась, пока девочка вложит свою крохотную ладошку в её, покрытую морщинами, ладонь. И уже вдвоём они направились к двери.

Уже на выходе ведьма, оглянувшись, обратилась к Маруше:

–А ты, когда закончишь, тоже можешь к нам присоединиться. Думаю, что тебе это полезно будет.

И, сказав это, старуха, сопровождаемая Устиньей, вышла из дома, предоставив неожиданным гостям самим о себе позаботиться.

Маруша, не успев ответить гостеприимной хозяйке, торопливо переложил кашу из чугунка на выдавшую виды тарелку. После чего, предложив детям самостоятельно придумать способ, как те смогли бы поесть при помощи единственной ложки, поспешила выйти следом за ведьмой и своей подопечной на улицу.

Правда, как оказалось, Маруша торопилась совершенно напрасно. Потому что, когда она вышла из дома, то увидела, что древняя ведьма и Устинья стоят неподалёку, возле растущей рядом с лачугой яблоней.

Маруша уже даже собралась вернуться назад, в дом, чтобы убедиться, что дети смогли справиться с трудностями, возникшими перед ними столь неожиданно. Но, как только она присмотрелась к дереву, тут же решила остаться.

А с деревом и в самом деле происходило кое-что примечательное. То есть, – с его плодами.

Так как время цветения закончилось совсем недавно, об урожае яблок пока ещё не стоило даже и мечтать. Даже самые ранние сорта этих фруктов должны созреть не раньше, чем через два-три месяца. Но то, что творилось с плодами именно этого дерева, позволило Маруше надеяться, что им удастся отведать яблок намного раньше этого, отмерянного самими богами, срока.

Прямо на глазах ядовито-зелёные, крохотные яблоки начали расти, одновременно наливаясь соком, превращаясь в отлично оформившиеся, красно-жёлтые плоды. Ещё не до конца веря своим глазам, Маруша спросила:

– Это ты делаешь?

На что ведьма, не оборачиваясь, кивнув, ответила:

– Да, я. И ты смогла бы такому же научиться, если бы только захотела.

Глядя в сверкающие от счастья глаза обернувшейся на её голос Устиньи, Маруша спросила:

– И что мне для этого придётся сделать?

Так и не глядя на гостью, явно сосредоточив всё своё внимание на яблоне, ведьма пожала плечами:

– Стать моей ученицей. Правда, для этого тебе придётся уйти из мира навсегда. И жить тебе, естественно, придётся со мной, в этом лесу. И тогда ты сможешь научиться не только этому. Ты станешь настолько сильной ведьмой, что сможешь делать всё то же самое, что умею и я. Например, – наказывать тех, кто посмеет причинять вред нашему лесу.

Маруша вспомнила, что ей пришлось сделать, чтобы спасти детей от неминуемого плена, пыток и надругательств. И, вспомнив это, женщина представила, на что же она станет способна после того, как овладеет знаниями древней ведьмы. Ведь тогда она сумеет с лёгкостью противостоять уже не какой-то жалкой сотне обезумевших от крови вырожденцев. Наверное, тогда Маруша сможет уничтожать врагов уже целыми тысячами.

Скорее всего, старуха смогла каким-то образом уловить мысли гостьи. Потому что она, громко усмехнувшись, сказала:

– Нет, ты не сможешь освободить Родину от захватчиков. Твоё мастерство можно будет использовать только здесь, в этом лесу. Именно так это работает, а не как-то иначе.

Маруша, грустно улыбнувшись, спросила:

– Но ведь для этого мне придётся бросить вот их? Так ведь?

В глазах Устиньи мелькнул такой страх, что Маруша даже испугалась, как бы у девочки не началась истерика. Для того, чтобы этого не произошло, женщина ободряюще улыбнулась, глядя той в глаза. Страх тут же покинул глаза Устиньи. Девочка даже улыбнулась. Впрочем, улыбка получилась какой-то неестественной, можно даже сказать – натянутой.

А древняя ведьма, отвернувшись, наконец-то, от дерева, с веток которого уже свисали полностью созревшие, с прозрачной кожицей, яблоки, с ироничной улыбкой посмотрела Маруше в глаза:

– Понимаю, что пойти на это очень нелегко. Но ведь кто-то же должен беречь то, что нам боги оставили в наследство. Разве не так?

Виновато улыбнувшись, Маруша кивнула:

–Да, это так. И я бы с радостью согласилась остаться здесь навсегда. Только в какое-нибудь другое время. Но не сейчас. Для начала мне нужно спасти вот их. – Она кивком указала на Устинью, которая до сих пор держалась за руку древней ведьмы. – А вот после того, как я их выведу к нашим, я согласна сюда вернуться и стать твоей ученицей. Но не раньше.

Погладив Устинью по гладким, смоляно-чёрным волосам, хозяйка леса понимающе покивала:

–Ясно. Ну, что же, жаль, что таково твоё решение. Но я понимаю, почему ты именно так поступаешь. И буду надеяться, что твоя затея удастся. И для того, чтобы ваше путешествие прошло успешно, хочу тебя всё же кое-чему обучить. Ты же не откажешься от новых знаний?

Благодарно улыбнувшись, Маруша покачала головой:

–Нет, не откажусь, конечно. А что это за знания?

И снова в глазах старухи пробежали уже знакомые Маруше искры:

–Примерно то же самое, что ты уже делала, когда выводила детишек из вашей деревни. Только более сильное, чем то, что ты тогда применила.

Хотя её сердце и обдало могильным холодом, Маруша всё же кивнула:

–Я согласна. Пусть даже мне снова придётся убивать и наводить злые чары. Я сделаю всё для того, чтобы спасти детей от той участи, что им уготовили захватчики.

Ободряюще улыбнувшись, древняя ведьма поспешила успокоить свою гостью:

–Ты не печалься. Может, тебе и не придётся эти знания на деле-то применять. Главное, что они у тебя будут. Ну, я и ещё кое-что покажу, что позволит тебе отводить ворогу глаза. Глядишь, благо даря этому тебе и не придётся никого убивать. Да и злые чары, согласна, последнее дело. Ведь это на многие поколения будет действовать. Уж лучше сразу убить. Мне кажется, что это намного добрее, чем наведение таких чар.

Маруша, грустно улыбнувшись, призналась:

–Но ведь я их уже наводила.

С сожалением покачав головой, ведьма поспешила гостью успокоить:

–Ну, значит, у тебя были на то веские причины. Главное, что ты сделала это не для какой-то своей выгоды. И не для того, чтобы повеселиться. Ведь ты же детишек спасала. А ради этого можно и похуже вещи сделать.

На что Маруша, снова грустно улыбнувшись, тяжело вздохнула:

–О-ох-х! Да куда уж хуже-то?

Услышав такое, хозяйка леса, ещё раз покачав головой, заявила:

–Можно хуже. Притом – намного хуже. Но этому я тебя сейчас обучать не стану. – Она неожиданно присела перед Устиньей и, глядя девочке в глаза, с улыбкой сказала:

–Ну, беги за друзьями-товарищами. Хай идут яблоки есть.

И, глядя вслед убегающей в дом Устинье, продолжила:

–Есть вещи, Маруша, которые намного страшнее всего, что тебе пока что известно. Но про это я расскажу позже. После того, как ты вернёшься сюда, чтобы стать моей ученицей.

–Томас! Томас! Да очнись же ты, наконец! – Кто-то с силой тряс его за плечи, явно пытаясь привести здоровяка в чувства. И при этом продолжал кричать. – Томас! Вот чёрт! Эй, кто-нибудь, принесите воды, что ли!

Сквозь веки, которые всё никак не хотели разжиматься, не смотря на все старания Томаса, просвечивало солнце, окрашивая всё в ярко-красный, кровавый свет. Томас, как ни пытался, не мог ничего ответить тому, кто продолжал с силой трясти его безвольное тело. При этом голова Томаса болталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы. Например, как у той, что сам Томас отнял у девочки, которую позже сам же и убил одним взмахом кавалерийской сабли.

Едва только Томас подумал об этом, как перед его взором возникла та самая девочка. И в её ручках, с силой прижатых к груди, находилась как раз та самая проклятая кукла, которую Томас тогда вырвал и, отбросив в сторону, располовинил хрупкое, юное тельце.

Точнее, Томас не "вырвал", он только ещё собирался это сделать! Во всяком случае, он увидел, как его руки, затянутые в окровавленные перчатки, с силой дёргают куклу, что девочка прижала к груди, к себе. При этом дитя упала в пыль, покрывавшую двор тонким слоем. А, упав, начала громко плакать. И Томас, который поначалу собирался девочку пощадить, отчего-то тут же, мгновенно, вышел из себя.

И, уже находясь в таком состоянии, резко выдернул саблю, привычно покоившуюся на его левом бедре. Короткий, отработанный долгими тренировками взмах, и тело девочки, уже начавшей подниматься с земли, падает к его ногам. Кровь окрашивает пыль в чёрный цвет. Но только там, где её оказалось много. Там же, куда упали лишь кровавые брызги, она окрасила пыль в привычный, красный цвет.

При этом девочка не издала больше ни звука. Бывалому кавалеристу хватило одного единственного удара, чтобы плач крохи умолк навсегда.

Но кто-то всё же вскрикнул. И в этом крике слились гнев, обида и невероятная, просто невыносимая боль.

Томас посмотрел в ту сторону, откуда раздался этот протестующий крик. И увидел женщину, явно намного старше его самого. Лет, наверное, на двадцать-двадцать пять. Но при этом она выглядела намного моложе своих лет. Наверное, если бы не обильная седина, покрывшая её некогда угольно-чёрные волосы, стянутые в тугую, перекинутую на грудь косу, Томас так и не догадался бы, что женщина уже давно вышла из возраста деторождения. И, скорее всего, тут же схватил бы её в охапку, чтобы воспользоваться "законным" правом победителя на утеху.

И Томасу было бы совершенно наплевать, что по этому поводу подумала бы сама эта женщина. Проще говоря, он её грубо изнасиловал бы, позже передав женщину, как трофей, своим соратникам. Чтобы и они смогли в полной мере насладиться явно отлично сохранившимся, соблазнительным телом.

Но на этот раз Томасу явно не повезло. Потому что женщина, чьи губы побелели в самом прямом смысле этого слова, гневно сверкая глазами (кавалеристу даже показалось, что в них загорелся кроваво-красный огонь), вытянула в его сторону обе руки и, что-то прокричав, выпрямила скрюченные до этого момента пальцы.

Поначалу Томас не ощутил ровным счётом ничего. Он даже усмехнулся перед тем, как сделать первый шаг в направлении женщины. Но этот же шаг оказался тогда и последним.

Резкая боль пронзила всё его сильное тело от затылка до самых пяток.

Следующее, что ощутил Томас – это пыль, скрипящую у него на зубах. При этом ему отчего-то казалось, что стоит с силой зажать что-нибудь в зубах, как боль тут же уйдёт. Но, сколько Томас ни сжимал челюсти, сколько пыль ни хрустела на его зубах, боль лишь усиливалась, перехватывая дыхание и заставляя тело корчиться, загребать под себя всё больше и больше невесомого праха.

В какой-то момент Томас осознал, что вкус пыли изменился. Даже не смотря на жуткую боль, продолжавшую накатывать на его страдающее от мук тело всё усиливающимися и усиливающимися волнами, кавалерист понял, что он ощущает на языке привкус крови. И только после этого Томас увидел, что прямо перед ним лежит убитая его сильной рукой девочка. И что из её распластанного саблей тела продолжает вытекать кровь, напитывая устилающую двор пыль влагой, превращая её из серой в жутко-чёрную.

Рядом послышались тихие, приглушённые слоем пыли, шаги. Как Томас смог их услышать, – осталось для него загадкой. Он только понял, что к нему приближается та самая женщина, которая и заставила его так сильно страдать.

Что-то злобно сказав (Томас не понял ни слова из-за того, что этот язык ему совершенно незнаком), женщина присела возле хрупкого, бездыханного тела девочки. Повела над поломанными останками рукой. При этом её дрожащие пальцы, как показалось Томасу, засверкали зелёными искрами. После чего женщина посмотрела на него, на Томаса, глазами, в которых тот прочёл безжалостный приговор.

Явно с трудом перейдя на английский, женщина со злобой, отчего её речь напомнила шипение змеи, произнесла:

–Будь прокляты все твои родственники, живущие и те, что будут жить после. Пусть они совершают поступки, которые никогда не позволят им возродиться на более высоком уровне. И пусть все они страдают все их жизни. Нынешние и будущие. А теперь можешь говорить.

Ощувив, что боль отступила точно так же, как это делают волны после того, как в ярости накатывают на противостоящие им камни, Томас, которому всё же пришлось превозмогать мучения, спросил:

–Кто ты такая?

На что женщина, злобно усмехнувшись, ответила:

–Я – ведьма. И я сейчас убью всех твоих братьев по оружию. Но тебя я оставлю жить. Чтобы ты всю свою поганую жизнь мучился, зная, что навлёт на всех своих потомков такие мучения, которые рано или поздно превратят их в сношающихся, жрущих и гадящих животных. А теперь, – позови своих соратников сюда, ко мне.

Томас, конечно же, не хотел никого звать. Он даже попытался сомкнуть губы, чтобы крик боли, зародившийся в его груди, не вырвался наружу. Но смеющиеся губы ведьмы дали ему понять, что его усилия совершенно напрасны.

Судорога скрутила всё тело кавалериста так, что колени с силой ударили по подбородку. А спустя мгновение, когда страшная боль, снова пронзившая всё его сильное тело от затылка до пяток, заставила Томаса распрямиться, выгнуться назад, из горла вырвался предательский крик.

А после начался самый настоящий ад. Тот, кто вбегал во двор через распахнутую настежь калитку, тут же попадал под удар ведьмы. А она методично убивала всех, кто откликнулся на призывный крик Томаса.

Кто-то падал и, корчась от жуткой боли, начинал задыхаться, пока его глаза не застыли, превратившись в белесо-стеклянную субстанцию. При этом некоторые боевые товарищи Томаса устремляли последний взгляд как раз в его сторону, как бы спрашивая, за что тот их так подло предал?

Некоторые, попав под удар ведьмы, начинали убивать друг друга, яростно рубя товарищей на куски, при этом даже не пытаясь отбивать сыпавшиеся на них в ответ удары.

Одного из кавалеристов охватило яркое, радостно рычащее пламя, отчего тот за считанные мгновения превратился в мечущийся по двору факел. Но даже его перемещения, во время которых тот то и дело натывался на соратников, не заставило их отвлечься от бессмысленной рубки или от валяния в пыли.

Ведьме потребовалось несколько минут, чтобы наполнить двор трупами. Хотя некоторые ещё и не осознавали, что жить им осталось недолго. И они продолжали с остервенением рубить друг друга на куски, заливая пыль собственной кровью.

Бросив на Томаса ещё один, наполненный гневом и яростью взгляд, ведьма вышла на улицу, откуда вскоре раздались новые крики боли. Сам же Томас продолжил жевать пыль, напитавшуюся уже и кровью его друзей и соратников. И ему казалось, что его мучениям не будет конца...

На голову обрушился ледяной водопад. Так показалось Томасу. Разбрызгивая стекающую по лицу холодную воду, он шумно дышал, при этом с благодарностью рассматривая одетых в привычные зелёные мундиры людей, плотно обступивших его со всех сторон.

Один из них, с опаской посматривая в глаза Томасу, встревоженно спросил:

–Опять она?

Томас, тряхнув длинными, распрямившимися под воздействием воды волосами, резко кивнул:

–Да, она.

При этом его дыхание начало успокаиваться. Сердце, которое, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, забилось ровнее. Томас ещё раз с благодарностью посмотрел по сторонам:

–Спасибо вам за то, что разбудили.

Всё тот же рейнджер, небрежно взмахнув рукой, ответил:

–Да ладно! Чего там!

Покачив головой, отчего струйки воды, сбегаящие по такой же рыжей, как и шевелюра, бороде, ещё больше залили его зелёный мундир, Томас сказал:

–Нет, не ладно! Ты не понимаешь, через что я каждый раз прохожу. И надеюсь, что никто из вас этого не испытает. Поэтому, если когда-нибудь встретите эту ведьму, тут же её убейте! Иначе вас ждут вечные муки!

Солдаты, которым уже порядком поднадоела история Томаса, стали отворачиваться, явно не желая продолжать этот странный разговор. Всё правильно! Ведь никто из них, как и сам Томас когда-то, не верит в ведьм. И каждый раз солдаты смеются, когда слышат какие-нибудь байки на этот счёт.

Но в том-то всё и дело, что сам Томас уже точно знает, что ведьмы не просто существуют. Они, оказывается, в одиночку могут с лёгкостью уничтожить целую сотню здоровых, полных сил людей и бесследно раствориться в лесах.

Провожая медленно расходящихся собратьев по оружию обречённым, но отлично понимающим их недоверие взглядом, Томас тихо, только для себя, прошептал:

–Надеюсь, что я сам тебя отыщу, проклятая ты сука! Но на этот раз тебе уже не удастся застать меня врасплох!

Маруша тихо, так, чтобы не разбудить мирно посапывающих детей, закончила:

–Полине и Огнеславу пришлось подхватить меня под руки. Иначе я так и осталась бы там лежать. Идти я уже не могла. Все силы ушли на то, чтобы наказать тех бандитов. Но зато после этого нам можно было не опасаться преследования.

Задумчиво пожевав сморщенными, бескровными губами, древняя ведьма подвела нерастойчивый итог:

–Ты совершила ошибку. Тебе не стоило оставлять того убийцу в живых. Нужно было убить его сразу же, как только на его крик сбежались остальные. Теперь, думаю, он пойдёт по твоему следу. Такие, как он, никому и ничего не прощают. Надеюсь лишь, что ваши дороги так никогда и не пересекутся.

Маруша, грустно улыбнувшись, кивнула:

–Я тоже на это надеюсь. Но я даже согласилась бы с ним столкнуться лицом к лицу, если к тому времени мои дети уже будут в безопасности.

Хозяйка леса, посмотрев на спящих вповалку детишек, разлёгшихся не только на печи и на кровати, но и на полу, на который ей пришлось постелить свою изношенную зимнюю одежду, тоже грустно улыбнулась:

–Да, дети у тебя славные. И далеко ли отсюда ваша деревня-то?

Маруша, не будучи уверенной в расстоянии, просто сказала:

–Мы под Констаном жили. Чуть восточнее, ближе к кордону.

По-стариковски покаивав, древняя ведьма задумчиво сказала:

–Далековато, однакось. И всю эту дорогу вот они, – старуха кивнула в сторону сопящих детей, – пешком прошли?

С вполне объяснимой гордостью посмотрев на своих юных спутников, Маруша кивнула:

—Ага, пешком. Не на конях же нам было ехать. Даже если бы мы это и смогли бы, так ведь дороги нынче не безопасны. По ним то и дело эти убийцы рыщут.

Снова покивав, хозяйка дома подвела нерадостный итог:

—Да уж! Вот времена-то настали! Мне вот только непонятно, а куда же все власти-то смотрели? Ведь не только наши, но и те, что жили восточнее, поклялись, что никто из них никогда не посягнёт на земли кочевников. Да и как им удалось через их-то кочевья перебраться? Или они тоже уговор предали?

Понимая, что старуха уже давным-давно отошла от мира людей, Маруша сделала большую скидку как раз на это обстоятельство. Поэтому, кивнув, спокойно, как малому дитя, объяснила:

—Кочевники уже почти полностью вырезаны. А вот теперь пришёл и наш черёд. Наверное, мы чем-то богов наших прогневали. А может, им просто стало не до нас. Возможно, им тоже приходится какому-то врагу противостоять. Вот бы у жрецов спросить. Так ведь до них ещё добраться нужно. А может быть ты, бабушка, сможешь к ним обратиться?

Усмехнувшись своей коронной беззубой усмешкой, древняя ведьма печально покачала головой:

—Нет, милая, не смогу. Мне это не по силам. Давно я уже с ними не общалась. С тех самых пор, как от людей отошла. Только с нежитью говорить могу, да с жителями лесными. Но с ними, как ты понимаешь, и поговорить-то особо не о чем. Только вот о лесе и разговариваем.

Маруша, горестно поджав губы, тяжело вздохнула:

—Да, жаль. Ну, что же, надеюсь, что нам всё же удастся к нашим выйти. Тогда, глядишь, я и смогу у богов ответа спросить. Может, они и в самом деле так чем-то заняты, что до нас им и дела пока нет.

Уже явно думая о чём-то своём, старуха нехотя поддержала Марушу:

—Наверное. — Она помолчала. — Кстати, а вот и нежить. С лесным не хочешь поговорить?

Маруша, как-то безвольно пожав плечами, сказала:

—Можно и поговорить. Правда, мне с ними как-то не очень ладить-то удаётся.

Поднимаясь со скамьи, хозяйка леса усмехнулась:

—А кому удаётся-то? Уж точно не мне. А ведь я с ними уже не одну сотню лет дело имею. Ничего. Идём. Хай он к тебе привыкает. Может быть, ты ему даже больше меня понравишься.

Думая о том, что вряд ли существу без души вообще кто-нибудь может понравиться, Маруша молча последовала за хозяйкой дома.

Леший встретил двух ведьм хмурым, если не сказать — гневным, взглядом. При этом, как заметила Маруша, на хозяйку леса он посмотрел, кажется, даже более злобно, чем на неё, по сути — незваную гостью.

Выглядел леший точно так же, как и все остальные его собратья. Крепкий, в общем-то, мужик. Коренастый. С густой, или, правильнее — дремучей, как сам лес, бородой. В которой застряли пожелтевшие, порыжевшие сосновые и еловые иголки. И даже парочка небольших коричневых сосновых шишек. Волосы, спускающиеся на плечи, сделали лешего похожим на существо вовсе без шеи. И борода только добавляла такого впечатления.

Одежда, хотя это и казалось Маруше всегда несколько странным, оказалась добротной. И никто не мог объяснить, как именно лешим удаётся содержать одежду в почти идеальном состоянии, не смотря на то, что спят они, похоже, на подстилке из опавших иголок и листьев.

А вот обуви, как Маруша и ожидала, у лешего не оказалось. И снова — никто не мог понять, как именно лешим удаётся сохранять ноги от ранений при ходьбе по лесу. Ведь вся земля в лесах прямо-таки усыпана мёртвыми ветками и торчащими из-под преющей подстилки корягами. Но лешие никогда, никому не отвечали на эти, интересующие людей, вопросы.

Белая, подпоясанная обрывком простой верёвки, рубаха, тёмные портки — вот и вся одежда лесной нежити, оберегающей свои дремучие владения от посягательств жадных людей.

Да! Конечно же, ещё и трубка! Бросая хмурые взгляды на двух ведьм, леший молча набивал простую деревянную (больше похожую на обычную корягу) трубку табаком, смешанным с сухими, прошлогодними листьями.

Насмешливо глядя лешему в совершенно жёлтые глаза, древняя ведьма спросила:

—Что? За огоньком пришёл?

Всё так же хмуро глядя на старуху, тот кивнул:

—Да, за огнём.

И всё! Леший повёл себя именно так, как Маруша и ожидала. Точно так же, как вели себя все лешие, которых она за свою жизнь повидала немало.

Ни тебе: "Здравствуй", ни тебе: "Как дела?". В общем, леший оказался совершенно типичным. Грубым, слегка злобным, норовящим нагрубить. Маруша давно заметила, что эти существа мало чем отличаются друг от друга. Все отличия во внешности сводятся разве что только к густоте бороды и шевелюры. Но даже их лица имеют очень сходные черты. Так, будто они являются братьями одной матери. Что, впрочем, вполне возможно.

Но, если внешне лешие хотя бы как-то, пусть и минимально, но всё же отличаются один от другого, то их внутреннее наполнение, кажется, совершенно одинаково. И это отражается не только в их поведении, но и в отношении к людям.

Правда, все, кто хоть сколько-нибудь общался с этими бездушными жителями лесов, хорошо знает и их повадки, и их отношение к тем, кто оказывается в их владениях.

И, естественно, древняя ведьма успела отлично узнать нрав леших. Настолько, что ни капельки не обиделась на грубое отношение к себе одного из них. Наоборот, вместо того, чтобы обидеться, чем нередко грешат люди, недостаточно осведомлённые о нравах леших, старуха, улыбаясь, продолжала с какой-то даже материнской любовью рассматривать грубого гостя. И, не отводя от хмурого лица лешего лучащегося взглядом сверкающих искрами глаз, обратилась к относительно молодой ведьме:

—Маруша, милая, пожалуй, принеси ему огонька. Там, в печке, должны ещё угольки, наверное, остаться.

Радуюсь тому, что у неё появилась хоть какая-то возможность отблагодарить давшую им приют древнюю ведьму, Маруша с готовностью поспешила в избушку. И, подойдя к печке, принялась шевелить длинной кочергой лежавшие по краям топки горки золы.

Спустя некоторое время Маруше удалось найти почти погасший, наверное, единственный во всей захламлённой, пахнущей гарью топке, светящийся уголёк. Осторожно придвинув этот умирающий уголёк к себе, ведьма принялась его осторожно раздувать, опасаясь, что тот не перенесёт долгого пути за порог дома.

Когда Маруша вышла, наконец-то, к ожидавшим её на улице лешему и древней ведьме, те, как ей показалось, уже успели кое-что обсудить. Во всяком случае, ведьма ощутила повисшую в воздухе напряжённость. А леший встретил её настолько гневным взором, что Маруше стало слегка неуютно. Впрочем, она постаралась не подать вида и, приблизившись, протянула тому небольшой совочек, специально изготовленный для того, чтобы при его помощи переносить уголья.

Отлично понимая, что лешему, без всякого сомнения, уже по крайней мере несколько тысяч лет, а это значит, что тот старше как её самой, так и хозяйки леса, Маруша, подавая совочек, с уважением в голосе сказала:

—Пожалуй-ста.

Но леший, конечно же, и не подумал оценить настолько уважительное к себе отношение. Наоборот, он настолько грубо принял из рук Маруши совочек, что стороннему наблюдателю могло бы показаться, что он его просто напросто отнял.

Взяв уголь голыми пальцами, Леший переложил его в трубку и, поднеся ту к губам, принялся её раскуривать. И даже после того, как из его рта и заросших грубым волосом ноздрей

повалил густой дым, леший не выбросил уголёк из трубки. Видимо, ему это нисколько не вредило.

Дождавшись, пока леший выпустит несколько сизых струй едко пахнущего дыма, древняя ведьма вполне любезно спросила:

–Ну, так что скажешь? Проводите вы моих гостей на запад-то? Ведь так они намного быстрее из леса-то выйдут.

Бросив на Марушу ещё один гневный взгляд, леший с хмурым видом кивнул:

–Проводим. Главное, чтобы они поскорее из нашего леса ушли. Ищут их. Наверное, и сюда заглянут. А этого никому из нас не хотелось бы.

Затаив дыхание, Маруша, задавив тронувший её сердце страх, с робкой надеждой спросила:

–Кто нас ищет? Может, это наши?

Ещё раз хмуρο посмотрев в сторону чужой для него ведьмы, леший едва ли не со злобой усмехнулся. Покачал головой:

–Вряд ли это ваши. Если только ваши хотят тебя на костре сжечь, а детей твоих в рабство угнать.

Маруша не нашлась, что на это сказать. Единственное, о чём она могла в этот момент думать, так это о том, что древняя ведьма оказалась совершенно права, когда сказала, что ей всё же следовало убить того негодяя, который, не моргнув глазом, отнял жизнь у беззащитной девочки.

Зато сама хозяйка леса спросила, требовательно глядя в глаза всюю дымящего лешего:

–Откуда ты знаешь, что это именно её и детей ищут?

На что леший, с непонятным женщинам удовольствием выпустив густое облако вонючего дыма, охотно сказал:

–Так ведь мы же не дураки, – понимаем кое-что. Эти, которые за ними гонятся, говорили, что им нужно ведьму поймать. Ну, и на костре её сжечь. А детей, говорят, обязательно продать нужно. Ну, кроме тех, что сначала для себя оставят. Но и их, наверное, позже продадут. Во всяком случае, мы так думаем.

Пока Маруша размышляла, судорожно ища выход из создавшегося положения, древняя ведьма снова спросила:

–Где вы их видели? Сколько их? Куда и откуда они ехали? Что ещё говорили?

Снова выпустив густое вонючее облако сизого дыма, леший злобно усмехнулся:

–Видели мы их возле северной опушки. На привал они останавливались. С восхода на закат ехали. И было их около двух с половиной сотен. – Он неприязненно посмотрел на Марушу. – Они там все одного какого-то своего слушали, когда он про вас говорил. Что-то с ним явно не то. Какое-то проклятие на нём лежит. Тяжёлое проклятие. Не твоя, случаем, работа?

Маруша, задумчиво сдвинув брови, нехотя кивнула:

–Да, моя. А как ты понял?

Злобно усмехнувшись, леший беспечно пожал плечами:

–Так ведь нетрудно догадаться-то. Раз он за вами гонится, значит, причина у него веская. А раз чары на него наложены, значит, кто-то его сильно невзлюбил. Ну, а большего-то нам и не нужно, чтобы остальное понять. – В глазах лешего мелькнуло что-то вроде уважения. – Кстати, отличная работа. Теперь весь его род до скончания времён будет проклят. Думаю, что его потомки выроются во что-то совсем уж непотребное. Эх-х! Мне бы такое уметь!

Древняя ведьма, с усмешкой покачивая головой, спросила:

–А почто тебе такое умение-то? Ведь ты бы тогда всех людей, наверное, страдать заставил бы. Разве не так?

Прежде чем ответить, леший глубоко затянулся вонючим дымом и, выпустив его тонкой струйкой вверх, с улыбкой дождался, пока сизое облачко растает. И только после этого, криво усмехнувшись, что оказалось не так-то легко заметить из-за густоющей бороды, начинающейся почти у самых жёлтых, как опавшие листья, глаз, пожал плечами:

– Ну, всех – не всех, но что многих, это уж точно. А чего они к нам, в наши леса лезут? Да ладно бы вели бы себя тут хорошо. Так ведь нет, – надо им постоянно что-нибудь сломать, кого-нибудь убить! Так чего бы таких-то не наказать? Зато, глядишь, остальные люди стали бы себя в лесах правильно вести. И тогда тебе бы, например, намного меньше работы было бы. Разве же не так?

Хозяйка леса, горестно покачав головой, возразила:

– Нет, не так! Я готова чуть больше поработать, чтобы лес оберечь. Но лишь бы люди не страдали больше того, чем они заслужили. Больше той меры, что сами же себе отмерили.

Снова набрав в грудь дыма, леший заговорил, не выпустив его наружу, отчего его голос прозвучал несколько приглушённо, как будто тот захлёбывался:

– Интересно, а что бы ты сказала, если бы те, кто за ними гонится, в наш лес пришли? Стала бы их так же, как и остальных, туманами да чёрными кошками пугать? Или опять нас попросила бы их с дороги сбить? Или сразу же в трясину бы их завела? Или ещё что похуже сделала бы?

Древняя ведьма, недовольно усмехнувшись, спросила:

– Это ты всё про тот случай вспоминаешь? Ну, так те-то как раз это и заслужили. Вот таких-то как раз и стоит наказывать предельно жестоко.

На что леший, заинтересованно поковырявшись в трубке и подняв на старуху мгновенно ставшие торжественно-злыми глаза, заявил:

– Ну, так они сюда идут. Они вышли на их след. У них один из кочевников есть. Он-то на след и напал. Что ни говори, но они отличные следопыты. Так что, как видишь, скоро у тебя будет возможность их наказать. Что теперь скажешь?

На этот раз древняя ведьма не смогла сохранить не то что благостного расположения духа, но даже обычного в её деле хладнокровия. Гневно сверкнув глазами (в самом прямом смысле – сверкнув), старуха, шипя, словно разозлённая змея, спросила:

– Так чего же ты молчал-то? Чего плутал вокруг да около? Да ещё и плёл нам тут, что они на запад ускакали! Где они сейчас?

Засунув трубку за пояс (Маруша как-то отстранённо подумала о том, что этим существам каким-то образом удаётся их не терять), леший со злой усмешкой сказал:

– Так, я же говорю, что у них следопыт хороший. Вот они и вернулись. И едут сейчас через лес напрямик сюда. Скоро здесь будут. Вот, когда солнце до этого дерева дойдёт, они сюда и приедут.

Маруша со страхом посмотрела в жёлтые глаза лешего. А тот со злым весельем взглянул в ответ. Всё ещё надеясь, что леший просто решил так злобно пошутить, что им порой, вообще-то, свойственно, женщина спросила:

– Ты уверен? А вы не можете их со следа сбить?

Неуверенно пожав плечами, леший сказал:

– Не думаю, что нам это удастся. Да и вот она нам давно уже запретила на людей наши чары наводить. А то мы, конечно же, попробовали бы.

С шумом выпустив воздух сквозь сжатые в гнев губы, древняя ведьма покачала головой:

– Ну ты, лешак, и дурак же, всё-таки! Так ведь я же вам простых грибников и не слишком жадных до добычи охотников запретила в чаще-то водить! А этих-то стоило бы запутать-то! Беги к своим и скажи, чтобы немедля за дело брались! Глядишь, они сюда и не доберутся! Беги, нежить глупая!

Отчего-то в ответ на оскорбление леший обрадовался. Хотя, скорее всего, его обрадовала возможность применить, наконец-то, на практике свои природные умения, которые, оказывается, ему и его собратьям приходилось очень долгое время не использовать из-за запрета древней ведьмы. Радостно сверкнув жёлтыми глазами, леший топнул ногой и тут же исчез, словно растворившись в воздухе. Впрочем, умения ведьмы хватило Маруше, чтобы заметить, как некая, смазанная в воздухе тёмная фигура выстрельнула в сторону близстоящих деревьев и тут же за ними растаяла без следа. И при этом ни единая веточка не шелохнулась.

А вот древняя ведьма не обратила на это никакого внимания. Должно быть, уже привыкла к такой манере передвижения леших. Вместо этого старуха, сощутив глаза, смотрела прямо перед собой, но при этом, как подумала Маруша, ничего не видела.

А спустя какое-то время, горестно покачав головой, задумчиво сказала:

– Должно быть, старею, – не заметила, как чужаки в мой лес вошли. А может, и ещё что. Но сил мне почему-то не хватило, чтобы их увидеть ещё до того, как они в моём лесу оказались.

Стараясь говорить наиболее уважительно, Маруша спросила:

– А не могла ли ты устать, яблоки для нас выращивая?

На секунду задумавшись, старуха уверенно покачала головой:

– Нет, не могла. Это мне почти ничего не стоило. Дело-то плёвое! Ну, ты это ещё сможешь понять, когда начнёшь обучение.

Затаив дыхание, боясь услышать ответ, который вполне может оказаться слишком страшным, Маруша спросила:

– И что же тогда случилось? И что нам делать дальше?

Пожав плечами, старуха неожиданно улыбнулась:

– А не всё ли равно? Им я вас уж точно не выдам. Ну, а пока мы можем пойти, детей покормить. Они вот-вот просыпаться начнут. Идём, нужно печь растопить да воды принести. Еды сегодня придётся много готовить.

И, последовав за древней ведьмой, Маруша послушно вошла в дом.

С ненавистью глядя в затылок едущего перед ним кочевника, Томас грубо спросил:

– Ну, и сколько нам ещё по этому проклятому лесу ехать? Ты же говорил, что мы от них всего на несколько часов отставали. А мы тут уже полдня плутаем! Не могли же они сквозь землю провалиться?

Томас увидел, как проводник, пожав обнажёнными плечами, покачал головой:

– Я не понимаю, что происходит. Кажется, тут что-то не то. Я всего пару минут назад видел их следы. А сейчас вот они пропали. И так происходит уже не первый раз. Как будто духи леса надо мной издеваются.

Толкнув пятками бока уставшего коня, Томас нагнал проводника и, всё с той же неприкрытой ненавистью глядя сбоку на его горбоносое лицо, спросил:

– Ты издеваешься? Какие ещё духи? А вот не хочешь ли, чтобы я тебя прямо здесь пристрелил?

Проводник посмотрел на Томаса с ненавистью, которая ни капли не уступала его сильным эмоциям. И, выталкивая слова сквозь сжатые в гнев зубы, спросил:

– И что это тебе даст? Или ты думаешь, что кто-нибудь из вас сможет в следах лучше меня разобраться?

Томас собрался ударить этого человека по лицу. И, по опыту зная, что его удары нередко заставляют противника без чувств падать на землю, уже с удовольствием представил, как краснокожий, научившийся говорить по-английски совершенно без акцента, вываливается из седла. Но, к его огромному разочарованию, услышал сзади голос сержанта:

– Томас, прекрати! Я уже давно знаю Лукаса. И он ещё ни разу меня не подводил. Лучше не мешай ему делать его работу!

Томас, ещё раз с ненавистью посмотрев на горбоносое лицо индейца, с досадой, демонстративно сплюнул в сторону и, придерживая коня, отстал. Проводник, кажется, не обратил на это никакого внимания. Хотя Томас увидел, что глаза следопыта, хотя и устремлённые вниз, на землю, сверкнули ответной ненавистью.

Удовлетворившись тем, что смог хотя бы немного отвести душу, Томас дождался, пока с ним поравняется другой солдат. Презрительно усмехнувшись, он кивком указал на едущего впереди краснокожего и спросил:

–Что, неужели сержант и в самом деле верит этому дикарю? Или надеется, что краснокожий, научившись говорить по-нашему и получивший белое имя, когда-нибудь сможет стать одним из нас?

Солдат, пожав плечами, с улыбкой ответил:

–Не думаю. Мне кажется, что сержант просто играет. Наверное, он думает, что своим хорошим отношением сможет добиться от Лукаса верности. А потом, думаю, он запросто его пристрелит. Но только после того, как Лукас станет ему уже не нужен.

С робкой надеждой в голосе Томас спросил:

–А с чего ты в этом так уверен?

Снова пожав плечами, солдат сказал:

–Да я не совсем в этом уверен. Просто думаю, что такое вполне возможно. – Хотя он и до этого говорил так тихо, чтобы проводник не смог его услышать, дальше он и вовсе перешёл на шёпот. – Я видел, как сержант лично убивал индейцев. Безоружных. И даже детей и женщин. А после делал с выжившими детьми краснокожих такое, что... Не хочу даже вспоминать. Но главное, что наш бравый сержант никогда не считал краснокожих настоящими людьми. Вот поэтому-то я и жду, когда он в один прекрасный день пристрелит нашего Лукаса просто за то, что тот родился индейцем. Ну, а пока сержант будет его терпеть рядом и даже заступаться за него перед теми, кто пытается его задирать. Мне даже интересно за этим наблюдать.

Томас, которого заинтересовали эти новые для него подробности отношений сержанта с их проводником, не скрывая охватившего его любопытства, спросил:

–А что тебе именно интересно-то? По мне лучше было бы сразу же пристрелить этого дикаря. Ну, а беглецов мы как-нибудь и сами потом отыскали бы.

Солдат, с улыбкой посмотрев на ждущего ответа Томаса, горестно покачал головой:

–Сразу видно, что ты человек простой, не утончённый. А вот если бы ты хотя бы разок побывал в театре, например, то понял бы, насколько интересно наблюдать за актёрской игрой нашего сержанта. Я вот, например, несколько раз бывал на представлениях. Поэтому я могу оценить то, насколько умело наш бравый сержант играет взятую им на себя роль. Но, как бы мне ни хотелось продолжения, мне всё же не терпится увидеть и развязку. Ведь это станет, по сути, кульминацией всего этого затянувшегося представления. Вот это-то мне и кажется самым интересным. – Он глубоко, полной грудью, вздохнул. С шумом выпустил воздух. И когда продолжил, в его глазах Томас увидел какую-то странную мечтательность. – Театр на кровавом фоне войны! Да за такое я готов терпеть этого Лукаса ещё хоть год или даже два! Зато как я буду аплодировать сержанту, когда выпущенная им пуля снесёт индейцу половину его черепа! Ради этого стоит немного потерпеть.

Томас брезгливо поморщился, когда его взгляд наткнулся на смуглую, лоснящуюся коричневым блеском спину проводника, по которой скользила черноволосая коса, почти доходящая до пояса. И, даже не пытаясь скрыть это презрение, всё так же морщась, заявил:

–И чего так долго ждать? Я этого не понимаю, Джон. По мне, так лучше бы прямо сейчас этого Лукаса пристрелить. И тогда ты смог бы уже сейчас увидеть, как его череп разлетается на мелкие кусочки. А не ждать этого непонятно сколько времени. По-моему, так было бы намного лучше. Для всех нас было бы лучше.

Ещё раз усмехнувшись, солдат снова качнул головой:

–Я понимаю твоё нетерпение, Томас. Но мне вот хочется, чтобы эта игра продолжалась. Что ни говори, но даже на лучших подмостках лучших театров Европы не увидишь такой вот актёрской игры, какой нас радует сержант. Мне даже слегка жаль, что он обречён вместе с нами мыкаться по этим лесам вместо того, чтобы утопать в овациях благодарных зрителей.

Хотя Томасу и было не слишком-то интересно, он всё же спросил:

–Почему?

Джон, пожав затянутыми в зелёное сукно мундира плечами, с тяжёлым вздохом сказал:

–Уф-ф! Ну, на это не так-то легко ответить, Томас. Просто я уверен, что наш сержант, живи он где-нибудь в Европе, наверняка достиг бы самой настоящей славы, как великий актёр. Может быть, он даже выступал бы при королевских дворах.

Не без труда воскресив в памяти то небольшое, что он знал по части географии, Томас спросил:

–В Париже и Лондоне?

Кивнув, Джон охотно ответил:

–Да, там тоже. Правда, лет эдак восемь назад мы уже однажды встречались с французами. Правда, в тот раз мы наведались к ним с карательными целями. Но всё же!

Томас вначале хотел спросить, что именно Джон имеет в виду. Но, вспомнив, что уже как-то, пару дней назад слышал рассказ одного из рейнджеров о том, как они воевали против французов в Канаде, решил, что Джон как раз этот случай и имеет в виду. Поэтому, вместо того, чтобы продолжать этот разговор, Томас спросил совсем о другом:

–А Лукас с вами тогда тоже был?

Снова пожав плечам, Джон покачал головой:

–Нет, не был. Да и слава богу, что не был. Ведь в тот раз мы не только французов убивали. Мы за один только день двести индейцев порубили. Лишь несколько женщин отпустили. Да с ними десяток детей. А вот пятерых наш сержант для себя оставил. Уж не знаю, что он там с ними делал. Да и знать, если честно, не хочу. Ни капельки не хочу. Мы только слышали их плач и крики боли. Но, хоть мы и готовились к худшему, в тот раз он никого из них так и не убил. Правда, думаю, что смерть для них была бы более желанной. Потому что после того, как сержант отпустил тех детей на все четыре стороны, на них было жалко смотреть. Даже мы, привыкшие убивать индейцев без малейшей жалости, тогда были в шоке. А главное, что...

Но что там «главное», Томасу в этот раз так и не довелось узнать. Поскольку сердитый голос сержанта, подъехавшего к разговаривающим рейнджерам, заставил их надолго умолкнуть. Гневно сверкая глазами, тот приказал:

–А ну-ка, вы оба! Заткнулись быстро! Не хватало ещё, чтобы из-за вас мы все в ловушку какую-нибудь угодили! Болтаете тут, как бабы базарные! Выгоню из отряда вон, если не научитесь себя во время похода тихо вести!

После того, как сержант, обогнав обоих, придержал свою лошадь возле ищущего следы индейца, Джон, украдкой посмотрев на Томаса, прошептал:

–Что ни говори, но он всё же великий человек.

Спорить с этим Томас не стал. Хотя, по его мнению, сержант и допустил большую ошибку, решив довериться краснокожему.

Конный отряд продолжил поиски беглецов, всё дальше и дальше углубляясь в негостеприимный лес.

Стараясь говорить так, чтобы дети не слышали, Маруша спросила:

–Не знаешь, удалось ли лешим с задачей справиться? Отвели ли они наших преследователей в сторону?

Древняя ведьма, слишком, по мнению Маруши, беспечно пожав плечами, ответила:

–Да кто ж их знает-то? Может быть, и завели куда-нибудь. Я пока что-то ничего не ощущаю. Но ты не бойся, Маруша, если что, я и сама смогу с незваными гостями управиться. Про-

сто вот вас одних тут оставлять пока не хочу. А так я бы давно уже всех этих татей в болоте утопила бы. Или ещё что-нибудь с ними сотворила бы.

Стараясь говорить так, чтобы у хозяйки леса не сложилось неверное впечатление, будто гости её используют, Маруша спросила:

–Так, может, так и нужно сделать? А мы бы пока тут по хозяйству что-нибудь сделали бы. А?

Невесело усмехнувшись, древняя ведьма с сарказмом заявила:

–Да уж! Велико у меня здесь хозяйство!

Не желая обидеть гостеприимную хозяйку, Маруша, не слишком-то, впрочем, уверенно, сказала:

–Ну, хоть такое! Всё же, глядишь, мы бы что-нибудь и сделали бы. Ну, вот хотя бы прибрались бы в доме, да и вокруг – тоже.

Едва заметно пожав иссохшими плечами, древняя ведьма нехотя признала:

–Твоя правда! За домом я не слишком-то хорошо слежу. Да и за собой – тоже. Ну, так ведь у меня и владения-то большие! Надо везде успеть, всё проверить. На остальное-то уже и времени не хватает. Так что, Маруша, мне бы и в самом деле ваша помощь не помешала бы. Правда, вам же нужно отдыхать, сил для дальней дороги набираться. Про это-то ты не подумала?

На это Маруша, слегка пожав плечами, с улыбкой возразила:

–Так ведь и хоромы-то твои не так велики, чтобы много сил от нас для уборки потребовали. Думаю, что такая-то работа нас точно с ног не свалит.

Тоже улыбнувшись, древняя ведьма, обведя свою перекосившуюся хижину откровенно саркастическим взглядом, признала:

–Да, твоя правда, Маруша. Мои хоромы не так-то уж и велики. Да и то, – куда мне терема-то резные? Для меня одной, если честно, так и этого лишку. Давно бы в пещерку недалёкую ушла бы жить. Да вот, привыкла за два-то века уже. Да и на печке зимой люблю понежиться.

Карпуша, слушавший последнюю часть этого разговора очень внимательно, спросил:

–Бабушка, а ты дитёв в печке пекла?

Улыбнувшись красными дёснами, древняя ведьма задала встречный вопрос:

–А что это тебя это так заинтересовало-то? Или хочешь, чтобы я и тебя в ней запекла?

На что мальчишка, поначалу задумавшись, активно замотал головой:

–Не-а, не хочу. Просто мне родители говорили, что меня в детстве Маруша в печке пекла. Вот мне и интересно стало, – а ты так делать умеешь?

Потрепав мальчугана по покрытой веснушками щеке, хозяйка леса наставительно произнесла:

–Эх-х, малец! Этому умению каждая ведьма в первую очередь учится. Некоторые хвори только так их детишек изгнать и можно. Я даже и таких больших, как ты, в печи опекала. Так что, если захвораешь, милости прошу. Я, хоть и давно этим не занималась, всё же это дело отлично помню. Всю болезнь из тебя выгнать смогу. Правда, для этого мука нужна. А я зерна не сею, хлеба не пеку. Вот, только кашу варю. Но мне для неё крупу люди добрые приносили. А теперь, видать, и каши мне больше не есть. Видно, придётся на грибы – ягоды переходить.

Карпуша, явно желая утешить давшую им приют ведьму, посоветовал:

–Можно ещё и орехов запести! Я вот их очень люблю. Только их и ел бы.

Засмеявшись, древняя ведьма снова потрепала мальчишку по щеке:

–Эх-х, малец! Когда-то и я их любила. Да с тех пор много времени прошло. Теперь мне их не разжевать. А ты грызи, Карп, у тебя пока ещё зубы-то целы.

Маруша поспешила перевести разговор на первоначальную тему. Укоризненно глядя на Карпушку, она, покачав головой, приказала:

– Вот ты первый за уборку и возьмёшься! Ишь ты, заботливый какой выискался! Иди-иди, нарви полыни для веника! – Она посмотрела по сторонам, откуда на неё в ответ были устремлены взгляды сверкающих весельем юных глаз. – Да и все остальные – тоже хватит сид-нем сидеть! Быстро, – за дело все! Надо же нам хоть как-то за гостеприимство, за хлеб-соль отблагодарить! Бегом!

Впрочем, последнее её приказание оказалось совершенно излишним. Дети, кажется, только и ждали возможности сделать для ведьмы хоть что-то хорошее в ответ на всё то добро, которое увидели с её стороны.

Глядя вслед выбегающим из лачуги детям, древняя ведьма не смогла сдержать улыбки. И, после того, как её юные гости, все до единого оказались за порогом, с какой-то даже завистью посмотрела на Марушу:

– Хорошо тебе, милая! Дорого бы я дала, чтобы свои пятьдесят лет вернуть! Тогда я тоже о детях заботилась. А теперь!..

Ведьма не стала договаривать. И Маруша так и не выяснила, что же именно мешает древней ведьме проявлять заботу о людях и теперь. Правда, насколько ей известно, такое же поведение свойственно многим ведьмам, прожившим хотя бы век-полтора.

Спрашивать же об этом Маруша не рискнула, полагая, что это может не понравиться хозяйке леса. А вскоре вернулись дети, неся веники из полыни и листьев репейника. И подняли в лачуге такую пыль, что обеим женщинам пришлось торопливо покинуть помещение.

– За колдовство, направленное против армии солдат Свободных Штатов, суд вынес решение о казни через публичное сожжение на костре. Приговор будет приведён в исполнение немедленно. – Нарядно одетый, обильно припудренный человек, с парика которого прямо-таки осыпалась мука, свернул прочитанную им бумагу и с плохо прикрытой злобой посмотрел на прикованную к столбу, испуганную молодую женщину. – Хочет ли приговорённая что-нибудь сказать напоследок?

Женщина, который только несколько дней назад исполнилось двадцать два года от роду, всё ещё, видимо, не до конца веря во всё происходящее, испуганно посмотрела на толпу, собравшуюся на площади исключительно ради того, чтобы посмотреть, как будут сжигать живого человека. Всё ещё надеясь на то, что все эти люди, кажущиеся такими добрыми и порядочными, всё же передумают, она покачала головой, отчего её светлые, цвета соломы волосы ласково погладили хрупкие плечи и упругую грудь, затянутую в тёмное платье. При этом выходящие пряди волос коснулись и покрытых ржавчиной звеньев цепи. Правда, даже прикосновение настолько прекрасного проявления божественной воли, как невесомые, воздушные пряди волос молодой, полной сил женщины, не смогли заставить цепь распасться на части. И та, кого приговорили к столь страшной и мучительной смерти, как сожжение заживо, так и осталась крепко прикованной к столбу.

Всё ещё глядя на собравшихся людей с высоты помоста, под которым «заботливый» палач сложил довольно-таки большую стопу дров, женщина тихо, скромно, как говорила и всегда, произнесла:

– Нет, мне нечего больше сказать. Всё, что я хотела, я сказала вчера на суде. Вы совершаете большую ошибку. Я же просто хотела помогать людям. А те, кого мне пришлось наказывать, хотели сделать со мной такое, за что их следовало бы посадить в тюрьму. Или же казнить вместо меня.

Удовлетворённо кивнув, что приговорённой женщине показалось крайне странным, неестественным в данной ситуации, богато одетый человек сказал:

– Ну, тогда пора привести приговор в исполнение. – Он посмотрел вниз, на человека, держащего чадающий факел. – Палач, приступай!

Правда, палач всё же не стал торопиться. Он всё же дождался, пока человек покинет помост. И, как только тот, торопливо сбежав по грубо сколоченным ступеням, оказался внизу,

палач приблизился к сложенным вокруг пронзающего помост столба дровам. Минута – и те начали радостно, сухо потрескивать, пожираемые набирающим силу пламенем. Палач торопливо отошёл в сторону, явно не желая разделить участь бедной молодой женщины.

Дым, вначале не слишком густой, очень быстро превратился в упругий, взрывающийся к небу плотный поток. Женщина, всё ещё не до конца веря во всё происходящее, попыталась найти сочувствие в глазах собравшихся на площади людей. Но всё, на что наткнулся её отчаянный, полный безмолвной мольбы взгляд, оказалось лишь любопытство и откровенное злорадовство со стороны тех, кого она знала все последние десять лет жизни.

При этом в памяти женщины отчего-то всплыло воспоминание о том, как она впервые встретила некоторых из тех, кто сейчас с таким жадным любопытством смотрит на её казнь. Тех, кто в числе первых переселился в этот город, некогда принадлежавший её народу.

Почти десять лет назад, как только большинство взрослых мужчин покинули граничившие с землями кочевников города ради спасения части Империи на западе, подвергшейся нападению со стороны братьев по крови, но не по вере, и началось вторжение уже в её восточные пределы. И именно тогда этот город, носивший ещё имя Мары, как и многие другие в то время, оказался завоёван. И как раз после этого, предварительно уничтожив всё оставшееся мужское население приграничных земель (как правило – стариков, подростков, а также оставшихся земледельцев и ремесленников) и продав большинство женской половины захваченного в плен народа в рабство, здесь и поселились те, кто с таким удовольствием сейчас наблюдает за мученьями молодой женщины. Последней из тех, кто когда-то являлся хозяином этого города. Хозяином домов, в которых теперь живут те, кто их уничтожил.

Дым вынудил женщину закашляться. Но она заставила себя и дальше смотреть в сверкающие любопытством и злобой глаза собравшейся на площади толпы. Чтобы, умерев и представ перед богами, честно, как это и полагается, рассказать обо всём, что она увидела перед тем, как расстаться с этим телом.

Телом, которое вот-вот должно превратиться в пепел. Телом, которым жаждали обладать многие из тех, кто сейчас, злорадуя, наблюдает за последними минутами её жизни. Телом, которое так и не познало мужской ласки. Телом, которое заставляло большинство женщин этого города смотреть на чужую для них молодую женщину со злобой и завистью.

Ведьма вспомнила, как сразу же после падения родного города её также, как и всех остальных её соплеменников, которым сохранили жизнь, собирались продать в рабство. И как человек с крестом на шее (позже она узнала, что это был какой-то жрец этих людей), висевшим поверх чёрной одежды, отнял её, тогда – совсем ещё девочку, у залитых кровью воинов, одетых в зелёную форму. И как всё тот же человек (жрец) защищал её всё время и после этого. До тех самых пор, пока не умер несколько лет назад.

Дым начал выедать глаза. Женщине пришлось их плотно зажмурить, после чего она уже не могла видеть направленных на неё откровенно радостных взглядов. В основном – женских.

Но зато женщина могла увидеть умирающего у неё на руках священника. И она вспомнила, как настойчиво предлагала ему помочь, воспользовавшись наследным даром целительства, пробудившимся у неё в восемнадцать лет. И как священник, услышав об этом, накричал на свою воспитанницу, заявив, что он никогда не прибегнет к силам, дарованным ей самим Сатаной.

Она тогда пыталась доказать, что Сатана тут совсем ни при чём. В доказательство своих слов она крестилась и произносила христианские заклинания, стоя перед распятием на коленях. Но это не помогло. Её наставник так и не пожелал прибегнуть к её помощи. Хотя, скорее всего, это позволило бы ему прожить ещё лет десять. А может быть, и больше.

Сменивший умершего священник оказался не столь милостив к наследнице уничтоженного народа. Во всяком случае – поначалу. Но то, что произошло позже, оказалось намного хуже того, что она видела с его стороны вначале.

Дело в том, что не прошло и пары месяцев, сопровождавшихся непрекращающимися издевательствами и придирками, как священник начал проявлять неприличные людям его сана эмоции. Проще говоря, он начал откровенно приставать к бывшей воспитаннице своего умершего предшественника. Конечно же, она тут же поняла, что тот от неё хочет. Но, вместо того, чтобы ответить на его назойливые приставания, и тем самым упрочить своё незавидное положение во враждебном для неё обществе, девушка с присущей ей гордостью отвергла все посягательства и демонстративно покинула церковь, под которую завоеватели переоборудовали святилище Мары. Так одинокая, беззащитная девушка, последняя из своего народа, оказалась на улице совершенно без каких-либо средств к существованию.

К счастью, как раз в это время она поняла, что силы, унаследованные ею от предков, оказались намного более могущественны, чем думала вначале. Девушка выяснила, что она может не только избавлять людей от различных болезней, которые словно бы просвечивали через ткани тела, казавшиеся раньше непроницаемыми для человеческого взгляда. Она поняла, что теперь в состоянии делать ещё и многое другое. Например – выращивать ягоды и фрукты за считанные минуты. Даже зимой. Что, конечно же, помогло ей пережить трудное первоначальное время.

А позже люди, относившиеся к ней с откровенным презрением, стали сами её кормить, принося различную еду в уплату за лечение. И за первую же зиму одинокая юная ведьма смогла помочь всем без исключения семьям враждебного для неё народа. В какой-то семье она вылечила детей, в какой-то – взрослого. В общем, очень скоро в её лачуге, оставшейся от какого-то старика, который запомнился тогда совсем ещё девочке тем, что тоже избавлял людей от различных хворей, оказалось полным-полно различной еды и даже вполне пригодной для ношения одежды. Которую также приносили в уплату за то, что юная ведьма делала для блага этих людей.

Дым, поднимающийся от жарко горящих дров, заставил женщину закашляться. Сквозь не совсем плотно подогнанные доски помоста начали пробиваться жадные языки пламени. Но приговорённая ничего этого не видела, так как не могла открыть глаз. Она лишь ощущала жар, заставивший тлеть её тёмное платье, принесённое в уплату кем-то из собравшихся на площади людей.

По прошествии нескольких лет ведьме начало казаться, что её жизнь, в общем-то, не так уж и плоха. Что, возможно, она даже сможет быть вполне счастливой. Хотя бы потому, что она могла бы и дальше приносить людям пользу. Но тут случилось то, что и привело её в конечном итоге на этот самый эшафот.

Однажды вечером, когда даже птицы закончили славословие ушедшего за горизонт дневного светила, в лачугу ведьмы вломились пять в стельку пьяных солдат в форме зелёного сукна. Они, ни слова не говоря, тут же попытались завладеть телом хозяйки этого жалкого жилья, не потрудившись узнать, что же именно по этому поводу думает её душа. И вот тогда-то юная ведьма и сделала то, что послужило поводом для её казни.

Она даже не поняла, как именно ей это удалось. Она запомнила только ярость и гнев, которые на краткий миг полностью завладели её сознанием, да сине-зелёное свечение перед глазами. Прошло не больше двух-трёх секунд, пока ведьма была вне себя. Но этого с лихвой хватило, чтобы прервать жизнь пятерых пьяных насильников.

То, что увидела ведьма, когда смогла совладать с охватившими её эмоциями, испугало её до холодной жути. И даже теперь, когда огонь, пробиваясь сквозь щели между досок грубо сколоченного помоста, обжигал кожу её ног, ведьма ощутила тот самый холод, сковавший её невинную душу.

Один из рейнджеров оказался прямо-таки вмурован в ветхую деревянную стену покосившейся на один бок лачуги. Но при этом он оставался ещё жив. Это существо, которое язык не поворачивается назвать человеком, конечно же, кричало от дикой боли. Ведьма поняла, что

тот стал единым с дряхлым деревом стены. Что живые ткани его сравнительно молодого тела слились с волокнами давно умерших, пошедших на сооружение этого дома деревьев. Солдат бился в тщетных попытках освободиться от сковавших его оков. Но всё, чего он смог добиться, так это только того, что стена начала качаться. Что только усилило его и без того жуткую боль.

Ведьма торопливо отвела тогда взор. Но и всё остальное, что тогда открылось её взгляду, оказалось не менее страшным.

Точно так же, как один из неудавшихся насильников сросся со стеной лачуги, соединились и два его собрата по разбою. Они пронзили друг друга частями своих тел насквозь. Но при этом не пролилось ни единой капли их крови. Да и без того зрелище это оказалось настолько ужасным и отвратительным, что молодая ведьма в страхе отпрянула назад.

Правда, при этом она обо что-то споткнулась и едва не упала. С большим трудом ей всё же удалось удержаться на ногах. Да и то только при помощи попавшегося под руку стола, на который она с радостью и облегчением упёрлась.

Рассеянно посмотрев вниз, под ноги, ведьма едва сдержала крик ужаса, готовый вырваться из её горла. Правда, крик помог сдержать ещё и спазм, сковавший голосовые связки так, что вместо крика из горла слышалось лишь шипение, напомнившее ведьме змеиное.

Четвёртый насильник, видимо, также, как и его собратья, желавший сегодняшнюю ночь полностью посвятить телесным утехам с молодой, красивой женщиной, провалился сквозь пол из потрескавшихся от времени досок. И, как уже догадалась ведьма, он тоже сросся с бездушной материей, как и все остальные разбойники в форме.

Далеко не сразу ведьма поняла, что то самое змеиное шипение, которое она в страхе приписала самой себе, на самом деле издаёт этот самый, ушедший под землю, сросшийся с нею, человек. Точнее, существо, которому так и не суждено было стать полноценным человеком. Именно он, отчаянно цепляясь скрюченными пальцами за испещрённые трещинами доски пола, оставляя кровавые полосы от содранных им же ногтей на этих самых досках, шипел, моргая широко открытыми, наполненными ужасом глазами. Видимо, и его горло также сковал спазм, не позволивший этому существу издавать никаких других звуков.

Боясь наступить на окровавленные пальцы этого существа, хотя оно и пришло в её дом со злом, ведьма осторожно сделала ещё один шаг назад.

И в ту же самую секунду, испуганно вскрикнув, шагнула в сторону, так как что-то коснулось её непокрытой головы. Посмотрев вверх, молодая женщина всё же не выдержала и громко закричала от охватившего её ужаса.

Потолки в лачуге, когда-то построенной для древнего ведуна, ещё при заселении показались молодой ведьме слишком высокими. Скорее всего, когда-то этот ведун, которого девочка запомнила, как ссохшегося, скрюченного седебородого, почти немощного старичка, обладал высоким ростом. Наверное, строители, желая почтить былые заслуги престарелого мага, построили дом таким образом, что высота стен внутри насчитывала двадцать венцов среднего размера. Это, конечно же, позволило ему ходить внутри помещения, не опасаясь того, что он мог бы удариться головой.

Но для молодой ведьмы такие высокие потолки показались слишком непрактичными. И, хоть ссохшиеся от времени брёвна и просели, что значительно снизило высоту потолков, такое положение вещей не слишком-то радовало одинокую женщину. А всё оттого, что для отопления такого большого объёма помещения ей приходилось заготавливать слишком много дров. Что, конечно же, для неё было не так-то просто.

Но теперь, когда молодая ведьма увидела, что именно коснулось её непокрытых волос, она могла только радоваться тому, что высота потолков такая большая.

Пятый, последний насильник также сросся с безжизненным деревом. Но он оказался вмурован в потолок. При этом только его руки свисали вниз. Ноги же, как и всё остальное тело, вместе с головой, не могли двигаться. Да и руки висели безжизненно. Только стремительно

синеющие пальцы ещё какое-то время дёргались, пытаясь оказать хотя бы какое-то сопротивление тому, чему сопротивляться их обладатель не смог.

Впрочем, прикованный к явно умирающему насильнику взгляд ведьмы всё же смог отметить, что дрожь пробегает ещё и по слегка выступающим из дерева коленям. Да и по горлу несколько раз прокатились волны. Точно так же, как это происходит, когда человек делает большие глотки. Или же когда задыхается, а его тело, всё ещё борясь за жизнь, старается найти хотя бы глоток воздуха, чтобы получить какой-то шанс на спасение.

При этом ведьма видела лишь часть головы умирающего. Точнее – лишь его небритый подбородок, казавшийся до предела беззащитным. Остальная же часть головы оказалась полностью погружена в толстые плахи потолка. И, видимо, это и заставило насильника расстаться с жизнью намного раньше своих собратьев по несчастью. Остальные же мучились ещё очень долго. Так долго, что молодая ведьма успела их пожалеть. Причём до такой степени, что даже попыталась их спасти.

Правда, всего её умения не хватило. И всё, что она в итоге смогла сделать, так это лишь слегка облегчить страдания умирающих. После чего она, истратив остатки сил, потеряла сознание. Так она и пролежала до самого утра, пока её не обнаружил один горожанин, пришедший в дом ведьмы за настоем из лесных трав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.